С. Глаголевъ.

РЕЛИГІЯ ВЪ ЯПОНІИ И КОРЕѢ.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., д. № 17.
1904.

2
210

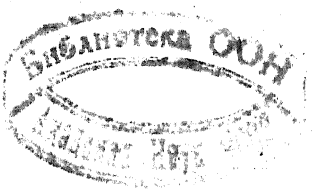
С. Глаголевъ.

РЕЛИГІЯ ВЪ ЯПОНІИ И КОРЕѢ.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., д. № 17.
1904.

Г
17

Отдѣльные оттиски изъ № 10 журнала «Вѣра и Разумъ» за 1904 годъ.

351
38

НЕ КОПИРОВАТЬ

РЕЛИГІЯ ВЪ ЯПОНІИ и КОРЕѢ.

Процессъ развитія рода человѣческаго направляется въ настоящее время и въ высь и въ ширь: въ высь—культура поднимается все выше и выше, въ ширь—культура захватываетъ все большую территорію земного шара, къ ней пріобщаются все новые и новые народы. Въ процессѣ своего расширенія европейская культура, двигаясь на востокъ, и американская, двигаясь на западъ, встрѣтились не такъ давно въ области Тихаго Океана. Японія здѣсь показала примѣръ удивительно быстраго усвоенія началъ цивилизаціи. Обстоятельства заставятъ и Корею не замедлить съ усвоеніемъ этихъ началъ. Пройдетъ, можетъ быть, немного десятилѣтій и въ рядахъ служителей и двигателей науки зазвучатъ и японскія и корейскія имена. Но для того, чтобы это случилось скорѣе, нужно, чтобы японцы и корейцы порвали съ своимъ прошлымъ и усвоили себѣ скорѣе и полнѣе чужую жизнь и чужую науку. Просвѣщеніе всѣхъ народовъ, конечно, должно быть желательно для каждаго человѣка, и мы должны желать скорѣйшаго распространенія культуры и въ Японіи и Кореѣ. Но желая имъ лучшаго и новаго, изслѣдователь не можетъ пренебрегать изученіемъ и ихъ стараго, хотя бы и плохаго, особенно стараго самобытнаго. Теперь эти народы стали усвоять чужой умъ, но чего они добились умомъ своимъ? Что создали они въ сферѣ духовной? Что перенимали и усвояли они у народовъ равнаго съ ними развитія раньше, чѣмъ пришли въ соприкосновеніе съ высшими культурами? Вотъ вопросы, изслѣдованіе которыхъ, не говоря объ ихъ безспорномъ значеніи для

исторіи и этнографіи, могутъ дать поучительный матеріалъ для соціолога, психолога и богослова.

Духовная жизнь народа прежде всего открывается въ его религіи, если только связь между нимъ и религіею не является номинальною. Религія есть и теорія и практика, въ религіи отражаются и идеалы, принимаемые народами, и то, поскольку они владѣютъ силами для осуществленія этихъ идеаловъ. Мы попытаемся взглянуть на религіозное состояніе Японіи и Кореи [1]).

Національная религія Японіи, которую японцы исповѣдывали раньше, чѣмъ вступили въ религіозныя сношенія съ другими народами, названа китайцами *Шинто*. Она создалась и выработалась въ тотъ періодъ, когда японцы жили обособленною жизнію. Китайцы явились въ Японію главнымъ образомъ не съ національною своею религіею (конфуціанствомъ) [2]), а

---

[1]) Религіи Японіи доселѣ посвящены труды главнымъ образомъ на англійскомъ языкѣ. Слѣдующіе авторы знакомятъ насъ съ нею: Dr. El. Griffis (капитальная исторія японскихъ религій), B. Chamberlain, E. Satow (The Revival of Pure Shinto, The Chinto—Temple of Ise, Ancient Japanese Ritual) P. Lowell (Occult Japan), E. Buckley (Phallicism in Japan), Lafcadio Hearus (Glimpses of umfamiliar Japan). Много статей о японской религіи, между прочимъ, и названныхъ авторовъ помѣщаются въ журналѣ Transactions of the Asiatic Society of Japan. На нѣмецкомъ языкѣ подобныя статьи можно находить въ Mitteilungen der deutschen Gesellschaft für Ost—Asien. Во Франціи подробнымъ и наглядымъ образомъ можно знакомиться съ религіями Японіи въ парижскомъ музеѣ Гимэ. Здѣсь собраны многочисленныя и превосходныя коллекціи по Шинто, Ріобу и главнымъ образомъ по буддійскимъ сектамъ Японіи. Въ текущемъ 1904 году въ журналѣ Revue de l'Histoire des Religions началъ печатать изслѣдованіе о шинтоизмѣ Revon. На русскомъ языкѣ нѣтъ значительныхъ монографій по японскимъ и корейскимъ вѣрованіямъ. Свѣдѣнія о нихъ даютъ слѣдующія самостоятельныя и переводныя изданія: *Исторія религій и тайныхъ религіозныхъ обществъ древняго и новаго міра. 1870.* Т. 2-й. Беттани и Дугласа—*Великія религіи востока.* Шантепи дела Соссэй—*Иллюстрированная исторія религій Т. 1.* 1899. В. А. Тимирязева—*Религіозныя вѣрованія съ древнѣйшихъ временъ до настоящихъ дней. 1900* Черевковой—*Очерки современной Японіи.* 2-е изданіе 1903 г. П. Ю. Шмидта—*Страна утренняго спокойствія* (о Корейскихъ вѣрованіяхъ, о томъ же г. Шмидтомъ помѣщена статья въ Русскомъ Богатствѣ. 1903. № 11). Для выясненія религіозно и нравственно поэтическихъ представленій японцевъ полезны—*Японскія легенды. 1901 г.* (Библіотека Дѣтскаго Чтенія) и *Японскія народныя сказки* (второе изданіе „Свѣтлячка“) 1904. и др.

[2]) Свѣдѣнія о китайскихъ вѣрованіяхъ (широко распространенныхъ и въ Японіи) см. у С. Глаголева—Религіи Китая. Москва. 1901.

съ буддизмомъ. И черезъ Корею и черезъ Китай въ Японію шла проповѣдь объ ученіи Будды, о пути спасенія, который предлагаетъ Будда. Этотъ путь Будды (будду—Будда, то или тао—путь)—будсуто буддисты противоставили тому пути, который раньше знали японцы—шинто (шинъ или синъ—духъ, то—путь)—пути духовъ. Шинто есть религія, почитающая духовъ. Японцы называютъ ее *ками-но мичи*. Можно называть ее и просто религіей *ками*. Ками не значитъ собственно духъ, а содержитъ въ себѣ идею господства, превосходства. Слуги называютъ своихъ господъ ками. Первоисточники для изученія ками немногочисленны. Преданіе разсказываетъ, что религіозныя сказанія первоначально хранились просто народною памятью. Понятно, что возникло ихъ множество варіантовъ. Микадо (слово значитъ высокія ворота), т. е. государь Темму подвергъ критикѣ преданія и легенды и установилъ ихъ устную каноническую редакцію. Въ тѣ времена, когда истину пытались сохранять въ памяти безъ помощи бумаги, дѣлу сохраненія религіозныхъ сказаній, пѣсенъ и обрядовъ служили люди, обладавшіе крѣпкою памятью. У Темму былъ человѣкъ, надѣленный необыкновеннымъ талантомъ памяти, нѣкто Аре. Онъ долженъ былъ передавать другимъ религіозныя и вообще историческія преданія по установленной редакціи. Императрица Джемміу велѣла (полагаютъ около 712 года по Р. Х.) записать легенды со словъ Аре. Такъ явились коики или кожики—тысяча поэмъ (это—созданіе народнаго эпоса) и позднѣе нориту (руководство обрядовъ, аналогичное нашимъ служебникамъ и требникамъ). Но собственно, кажется, первый источникъ воспроизводитъ вѣрованія Шинто сравнительно въ древнѣйшемъ видѣ.

Шинто почитаетъ духовъ стихій, мѣстностей, качествъ и потребностей, почитаетъ божества возвышающіяся надъ этими духами, но не усвояетъ божествамъ этимъ абсолютнаго характера. Почитаетъ шинто и духовъ умершихъ. При чемъ эти духи имѣютъ различную участь: блѣдныя молодыя дѣвушки становятся эхомъ скалъ, пѣною каскадовъ, виномъ бродящимъ въ точилѣ. Виликіе умершіе сохраняютъ въ себѣ больше личности и могутъ становиться даже богами. Понятно, что духи

распадаются на категоріи добрыхъ и злыхъ, при чемъ между ними нѣтъ рѣзко разграничивающей грани (въ общемъ получеловѣческіе духи.— Они—приносятъ несчастіе, стихійные духи—тенгу—безвредны).

Исторія и устройство міра по шинто таковы. Сначала былъ хаосъ. Изъ этого хаоса, повидимому, поднялся фаллосъ (копьеобразный тростникъ съ чудовищной почкой), изъ этого фаллоса возникло первое божество. Затѣмъ явились другія божества, смѣнялись поколѣнія боговъ, явились небесные духи, не имѣвшіе власти надъ землею, но все еще не произошло полнаго обособленія земли и неба. Окончательное устройство міра совершили Ицанаги (духъ воздуха) и Ицанани (богиня облаковъ). Опуская жезлъ съ драгоцѣннымъ оконечникомъ (фаллосъ) въ волны океана, Ицанаги произвелъ первый островъ Оногоро (похожій на фаллосъ), а затѣмъ и другіе острова. На вершинѣ гористаго конца Оногоро былъ утвержденъ небесный мостъ, а вокругъ вращается весь міръ въ вѣчномъ круговоротѣ. Отъ брака Ицанаги и Ицанани начали происходить другія божества, при чемъ происхожденіе это въ японскихъ легендахъ не представляется естественнымъ. Отъ нихъ произошли Аматеразу (божество солнца), Тзуку-Іоми (божество мѣсяца), Сузано-о (богъ дождя и бурь). Ицанани умерла. Ицанаги вопреки ея желанію проникъ съ великими трудностями къ ней. Съ трудомъ, затѣмъ, высвободившись изъ ада, онъ погрузился въ лоно океана. Сузано-о не любилъ и завидовалъ своей сестрѣ Аматеразу. Онъ довелъ ее до того, что она, раздосадовавшись, скрылась отъ міра въ пещерѣ. Боги только хитростію заставили ее снова показаться міру (при помощи зеркала). Потомокъ Аматеразу принцъ Нининги былъ посланъ на землю, чтобы управлять „тучными нивами вѣчно зеленыхъ рисовыхъ полей“. Богъ земли, называемый богомъ границъ Сарута, привѣтливо встрѣтилъ Нининги. Послѣдній женился на дочери „властителя горныхъ цѣпей“ прекрасной, но не обладавшей безсмертіемъ и давшей Нининги смертное потомство. Отъ бога Сузано-о происходятъ Микадо Японіи. Всѣ высшія и духовныя лица въ Японіи имѣютъ также божественное происхожденіе. Микадо есть богъ и по

происхожденію и по свойствамъ. Потомство Нииги управляетъ видимымъ міромъ, но есть еще міръ невидимый (все то хорошее и злое, что скрыто отъ земныхъ владыкъ). Имъ управляетъ Оконіуши, потомокъ Сузано-о, онъ караетъ и награждаетъ. Судьба людей послѣ смерти опредѣляется ихъ поведеніемъ при жизни, они могутъ попасть въ тѣла лисицъ, могутъ подвергнуться тяжелой участи, но могутъ получить блаженный удѣлъ. Въ шинто, какъ во всѣхъ аналогичныхъ анимистическихъ религіяхъ, и надъ богами и надъ духами и надъ людьми поднимаются нѣкоторые принципы, требованія, осущественіе которыхъ ведетъ ко благу, нарушеніе—къ злу. Откуда явились эти самые принципы, законы и требованія по существу всегда остается невыясненнымъ въ этихъ религіяхъ. Такъ шинто требуетъ отъ своихъ послѣдователей: чистоты сердца, уклоненія отъ осквернеій—значитъ чистоты внутренней и внѣшней, исполненія ритуальныхъ требованій, почитанія праздниствъ, религіознаго паломничества, наконецъ, отъ избранныхъ подвижничества.

Многія легенды и сказки японцевъ показываютъ, что ихъ нравственная чуткость стоитъ высоко и что требованія чистоты сердца они понимаютъ такъ же, какъ и самые развитые народы. Можно найти въ японскихъ сказкахъ суровое осужденіе нечестно дѣйствующей силы, которая въ концѣ концовъ сокрушается, потому что слабыя и честныя существа, любя и довѣряя другъ другу взаимно, тѣсно сплачиваются между собой. Это выражено въ ихъ сказкѣ—краббъ и обезьяна. Осуждается въ ихъ сказкахъ жестокость къ животнымъ и скаредность и одобряются состраданіе и милосердіе (сказки: Воробей съ обрѣзаннымъ языкомъ; про человѣка, который заставлялъ цвѣсти засохшія деревья). Слышится у нихъ жалость и любовь къ дѣтямъ (Момотаро, души дѣтей). Встрѣчаются сказки съ моралью: каждый долженъ довольствоваться своимъ жребіемъ (щебенщикъ). Въ сказкѣ „Свѣтлячокъ“ остроумно осуждаются попытки превзойдти самого себя: насѣкомыя, завидующія свѣтлячку летятъ на огонь, думая позаимствоваться отъ него свойствомъ свѣтить, и погибаютъ. Въ японскихъ преданіяхъ восхваляются патріотизмъ, честность и честь. Такъ одно преданіе

разсказываетъ: Вождь Йоритомо убилъ предводителя противной партіи и захватилъ въ плѣнъ одного изъ самыхъ даровитыхъ вождей изъ этой партіи Какекиго. Цѣня достоинства Какекиго, онъ отнесся къ нему великодушно и надзоръ за нимъ былъ очень слабый. Какекиго бѣжалъ. Йоритомо вторично захватилъ его въ плѣнъ и опять не только отнесся къ нему великодушно, но и предлагалъ почетнѣйшую должность у себя. Какекиго сказалъ: я поклялся до могилы служить моему вождю. Ты его убилъ. Я поклялся мстить убійцѣ. Но я не въ силахъ быть твоимъ убійцей. Вотъ—моя жертва тебѣ и Какекиго вырѣзалъ себѣ оба глаза и отдалъ ихъ Йоритомо, послѣ чего ушелъ отъ него непреслѣдуемый. У японцевъ существовалъ до послѣдняго времени, теперь запрещенный закономъ обычай харакири (распарыванія живота). Смыслъ этого обычая тотъ: японецъ убиваетъ себя, когда видитъ, что далѣе существованіе его безполезно и какъ бы мстя себѣ за свою безполезность, онъ убиваетъ себя жестокимъ образомъ, разрѣзываетъ себѣ на крестъ животъ—страшно мучительная казнь—полагаютъ, что этотъ обычай возникъ среди воиновъ: раненные солдаты добивали себя. До самаго послѣдняго времени существовалъ обычай распарывать себѣ животъ у порога врага. Самоубійца своимъ образомъ дѣйствій показывалъ, что врагъ довелъ его до состоянія, при которомъ невозможна полезная жизнь (лишеніемъ чести, имущества). Въ древности, говорятъ, это было аппеляціей къ родовой мести, но въ новое время это являлось во всякомъ случаѣ обращеніемъ къ нравственному чувству врага и общества. Самоубійца показывалъ, какія жестокія страданія причинилъ ему врагъ, если онъ предпочелъ имъ мучительную смерть. Въ шинтоисскихъ храмахъ можно встрѣчать изображенія трехъ обезьянъ: одна закрываетъ себѣ руками глаза, другая ротъ, третья—уши. Это символы. Человѣкъ долженъ остерегаться осквернія глазъ (созерцаніемъ соблазнительныхъ зрѣлищъ), осквернія рта (дурными рѣчами),—ушей (слушаніемъ дурного). Внѣшней чистотѣ вредитъ наиболѣе по шинтоизму кровь и затѣмъ смерть. Царапина дѣлаетъ человѣка нечистымъ. Если рабочій поранитъ себя при постройкѣ храма, онъ навсегда лишается права

участвовать въ таковыхъ постройкахъ. Убіеніе животныхъ нѣкоторыхъ, даже потеря близкихъ людей дѣлаетъ человѣка нечистымъ.

Шинтоисскій культъ не отличается сложностію. Шинтоисскій храмъ долженъ быть деревянный, некрашенный, покрытый соломенной крышей. Полъ внутри устланъ соломой. Идоловъ и украшеній нѣтъ. Но теперь эти храмы разрослись и осложнились. Около храма посвященнаго какому-либо божеству воздвигаютъ кумирни для другихъ божествъ. Затѣмъ, при храмахъ имѣются священныя животныя. Устраиваются помѣщенія для нихъ (стойло для священнаго коня). Устраиваются театральныя сцены; мѣста для жилья, помѣщенія для сбора пожертвованій, для сношеній жрецовъ съ богомольцами. Въ особыхъ святилищахъ храма помѣщается ящикъ (подобный ковчегу?), о которомъ мыслится, что въ немъ находится державный духъ, представитель божества. Въ Иссѣ, въ храмѣ Аматеразу такое святилище покрыто завѣсою, поднять которую не можетъ даже главный жрецъ. Такое святилище обыкновенно черезъ 22 года разрушается и сжигается, и потомъ строится снова по тому же плану. Съ развитіемъ архитектурнаго искусства и съ проникновеніемъ буддійскихъ вліяній шинтоискіе храмы стали роскошнѣе и пестрѣе. Храмы часто бываютъ окружены роскошными рощами (нерѣдко—кипарисовъ). Неизмѣнными принадлежностями храмовъ являются слѣдующія. *Торіи* значитъ собственно убѣжище птицы, это—ворота, состоящія изъ двухъ пней, наклоненныхъ одинъ къ другому, на которыхъ положенъ третій пень дугообразный, выпуклою стороною книзу, къ нему снизу прикрѣпленъ еще горизонтальный брусъ

Практически торіи служатъ насѣстомъ для священныхъ птицъ, но, повидимому, они имѣли какое-то мистическое значеніе. Во время гоненія на католиковъ ихъ заставляли проходить подъ *торіи*. *Гохеи*—палки, къ концамъ которыхъ прикрѣплены бѣлыя бумажныя полосы. Они, повидимому, служатъ символомъ божества, которому посвященъ храмъ. *Сабля*—въ воспоминаніе о побѣдѣ Сузано-о надъ дракономъ, изъ хвоста котораго онъ извлекъ мечъ. Драконъ только что хотѣлъ сожрать дочь

человѣческую. Убивъ его, Сузано-о женился на ней и родилъ отъ нея бога Оона—мутши—номикото, который опредѣлилъ вѣрованія людей, цивилизовалъ ихъ и былъ родоначальникомъ божественныхъ императоровъ, царствовавшихъ въ теченіе тысячелѣтій въ Японіи. Послѣдній потомокъ этого племени Цинму-тенно, ставшій совершенно человѣкомъ, былъ по японскимъ представленіямъ историческимъ предкомъ настоящей императорской фамиліи (теперь 121-ый микадо). *Зеркало.* Спорятъ о символическомъ значеніи этого предмета. Каково бы оно ни было (символъ чистоты, солнца), зеркало во всякомъ случаѣ стоитъ въ связи съ легендою о томъ, какъ Аматеразу (солнце) была вызвана изъ пещеры. Боги устроили такое ликованіе, какъ будто что-то замѣнило Аматеразу и какъ будто явилось что-то подобное солнцу, противъ пещеры Аматеразу боги поставили зеркало. Заинтересованная Аматеразу выглянула изъ пещеры и увидѣвъ свое отраженіе вышла затѣмъ совсѣмъ. Чтобы она не возвратилась въ пещеру, черезъ входъ сейчасъ же перекинули веревку изъ рисовой соломы. Такія веревки тоже вѣшаютъ въ храмахъ. Имѣется у шинтоистовъ классъ жрецовъ, безбрачіе для нихъ необязательно, обыкновенно они одѣваются какъ міряне, только при богослуженіяхъ они носятъ особое одѣяніе съ очень широкими рукавами. Кромѣ жрецовъ имѣются и жрицы, между прочимъ онѣ исполняютъ религіозные танцы, онѣ также могутъ выходить замужъ. Обыкновенно жреческія должности передаются по наслѣдству. Въ частныхъ домахъ тоже имѣются особыя священныя мѣста. Это нѣчто въ родѣ нашихъ кіотовъ. Тамъ находятся амулеты, маленькія изображенія боговъ счастья Дайкону и Ебизу (здѣсь буддійское вліяніе), о—хараи-стружки отъ священныхъ жезловъ, употребляемыхъ жрецами при религіозныхъ церемоніяхъ въ Иссе. О—хараи охраняютъ отъ несчастья, только на время, но затѣмъ нужно пріобрѣтать новыя, а прежнія уничтожать (сжигать или бросать въ воду), но теперь обыкновенно не спѣшатъ съ убыточной перемѣной о—хараи. Передъ семейными божницами (Ками-симсъ) по вечерамъ зажигаютъ лампадки, въ опредѣленные дни передъ ними ставятъ приношенія изъ пищи и изъ водки *саке.*

Самая простая и существенная принадлежность культа, это—молитва. Шинтоисты не считаютъ тактичнымъ навязываться своимъ богамъ съ молитвами. У нихъ имѣется такое правило. Вставай рано утромъ, вымой лицо и руки, очисти тѣло, повернись по направленію къ святилищу Иссе, ударь одну руку объ другую и поклонись до земли. Вотъ образцикъ японскихъ молитвъ. „Изъ далеко я набожно и со страхомъ поклоняюся Амено-ми-хасирѣ и Кунино-ми-хасирѣ (божествамъ вѣтра), которымъ посвященъ храмъ съ большими колоннами въ Татсутѣ, въ округѣ Хеизри, въ провинціи Ямато, со страхомъ говорю: удостой благословить меня и исправить тѣ ненамѣренные поступки, которыя я совершилъ, какъ ты видѣлъ и слышалъ, освободи меня отъ бѣдствій, которыя могутъ навлечь на меня злые боги; позволь мнѣ жить такъ же долго, какъ живетъ твердый вѣчный камень, и передай богамъ небеснаго и земнаго происхожденія мои ежедневныя мольбы, чтобы они услышали ихъ съ чуткимъ слухомъ быстро скачущаго коня“ (Тимирязевъ Религ. вѣров. 111). А вотъ молитва жреца при богослуженіи. „Слушайте меня... Я объявляю это въ присутствіи боговъ-владыкъ жатвы. Если они, когда созрѣетъ поздняя жатва, произведутъ безчисленное множество колосьевъ, которые вызовутъ потъ на нашихъ рукахъ и осадокъ изъ риса прессованнаго нашими ногами, тогда я имъ предложу начатки изъ риса изъ тысячъ колосьевъ и саке, которое заключено въ пузатыхъ амфорахъ, поставленныхъ въ рядъ“ (M. de la Mazelierè L'Histoire du Iapon 1899 p. 20).

Какъ и у всѣхъ народовъ, мы находимъ у японцевъ примѣты, гаданья и колдовство. Различіе между этими тремя типами суевѣрій, очень понятно, примѣты, это—указанія относительно будущаго подаваемыя неожиданно и безъ употребленія какихъ-либо искусственныхъ пріемовъ тѣмъ, кто увидѣлъ примѣту. Гаданье есть техническій пріемъ для полученія примѣтъ, указаній относительно будущаго. Колдовство есть система средствъ, чтобы сдѣлать будущее благопріятнымъ для себя, чтобы достигнуть той или иной цѣли. Японцы вѣрятъ въ сны, своеобразно истолковываютъ подслушанныя на улицѣ слова. У японцевъ существуетъ еще доселѣ шаманскій способъ га-

данья. Гадающій приводится въ экстатическое состояніе при помощи какихъ либо техническихъ пріемовъ гипнотизаціи (постъ, омовенія, музыка, пѣніе). Когда съ гадателемъ сдѣлается отъ всѣхъ этихъ подготовительныхъ средствъ нѣчто въ родѣ эпилептическаго припадка, его спрашиваютъ и отвѣтъ его разсматривается, какъ отвѣтъ ками. Гадаютъ японцы по жареной лопаткѣ оленя, по щиту черепахи (китайскій способъ). Колдовство—понимаемое въ широкомъ смыслѣ—развито сильно. Талисманы и амулеты ставятъ въ ками—симсъ, наполняютъ ими дома, носятъ съ собою и на себѣ. Фаллосъ и ктенесесъ почитаются у японцевъ и символы ихъ имѣютъ мистическое значеніе (грибъ, рыло свиньи—фаллосъ, персикъ, бобъ—ктенесесъ). Больныя и нерождающія женщины ищутъ у нихъ излѣченія и плодородія. Очищеніе осквернениыхъ совершается посредствомъ умовеній, огня, соли, риса, черезъ обрядъ обарай, черезъ посвященіе гохеевъ и саке. Иногда самъ микадо опускалъ бумажные манекены въ воду въ знакъ того, что грѣхъ смывается съ людей. Имѣются у японцевъ яммабосы (пустынники, буквально: горные воины, бойцы за боговъ и истинную вѣру). Они славятся какъ знахари и колдуны. Заклинаніями ямассу они по ихъ увѣреніямъ могутъ совершать великія чудеса. Вотъ, какъ они лечатъ больныхъ. Яммабосъ симптомы и признаки болѣзни записываетъ на кусочкахъ бумаги, кладетъ эти бумажки въ храмѣ, прочитываетъ надъ ними заклинанія, скатываетъ въ пилюли и заставляетъ больного глотать. Послѣ чего больной долженъ запить ихъ или нашептанной водой или водою изъ какого-либо особаго мѣста. При кражахъ яммабосы заставляютъ подозрѣваемыхъ глотать особыя бумажки, скатанныя въ пилюли (хумано—гао—бумажки съ таинственными знаками и изображеніями черныхъ птицъ—воронъ, сорокъ, дроздовъ имѣютъ силу отгонять бѣсовъ и обыкновенно вѣшаются предъ дверью, изъ оторваннаго изъ такой бумажки лоскута и дѣлаютъ испытательныя пилюли). Пилюля заливается. Если подозрѣваемый виновенъ, его замучаютъ рѣзи въ животѣ и онъ сознается. Если онъ правъ, пилюля не окажетъ на него никакого дѣйствія. Существовало у японцевъ испытаніе посредствомъ огня (раскаленныхъ угольевъ). Не-

винный не опалитъ подошвъ. Правоту и неправоту Яммабосы опредѣляли еще черезъ смотрѣніе сквозь пальцы (указательные и мизинцы скрещиваютъ, безъименные и средніе вытягиваютъ и соединяютъ у обоихъ рукъ концами. Смотря черезъ такую рѣшетку, яммобосъ видитъ—правъ человѣкъ, или въ немъ находится лисица—ма). У японцевъ имѣются священныя краски (красная и бѣлая), священное число—8. Погребеніе въ древности было совершенно аналогично погребенію у другихъ народовъ (съ умершимъ клались пища, оружіе, утварь, животныя и слуги—тѣ и другіе зарывались живыми). Затѣмъ съ умершимъ стали класть имитаціи этого (глиняныя фигуры). Теперь трупъ обособляютъ. На погребеніи совершаются религіозные танцы. Душу умершаго заключаютъ въ ками симсъ и поклоняются ей.

Японцы любятъ праздники, они называютъ ихъ реби—днями визитовъ. Праздники они начинаютъ съ посѣщенія храма. Въ храмъ должно являться настроеннымъ спокойно и пріятно (иначе значило бы оскорбить божество). Омывшись и нарядившись, шинтоистъ приближается къ храму, омываетъ руки, затѣмъ смотрится въ храмовое зеркало. „Какъ онъ видитъ въ зеркалѣ свои черты, такъ боги видятъ всѣ изгибы его сердца, его души“. Шинтоистъ произноситъ слова „такамо, фараками, годомари“, присоединяетъ къ нимъ еще какую-либо краткую молитву или не присоединяетъ, опускаетъ въ храмовую кружку нѣсколько монетъ, трижды ударяетъ въ висящій предъ храмомъ колоколъ и затѣмъ удаляется. Совершаются визиты, праздничная трапеза, посѣщаются мѣста развлеченій. Иногда религіозный элементъ празднествъ усложняется. Вѣрные приносятъ въ храмъ приношенія: рисъ, плоды, пиво, рыбу, дичь. Совершается кагура—очистительная жертва. Приносятъ божеству (всякому) пищу, устрояютъ религіозные танцы, играетъ музыка. Совершаются въ честь боговъ торжественныя и пышныя процессіи. То, что кагура представляетъ въ маломъ видѣ, представляетъ въ большомъ обарай—обрядъ очищенія за грѣхи (по окончаніи каждаго полугодія). Жрецъ перечисляетъ разные грѣхи, затѣмъ обращается съ молитвою къ ками (ками неба и земли внемлютъ молитвѣ, а ками рѣкъ, водопадовъ уносятъ

грѣхи). Жрецъ расщепляетъ тростникъ и вѣтки въ узкія и мелкія полоски и разбрасываетъ ихъ въ разныя стороны. Жертва бросается въ рѣчку. Она погибаетъ, какъ грѣхъ или какъ искупленіе грѣха.

У японцевъ празднуются начала мѣсяца, средина (полнолуніе) и окончаніе послѣдней четверти. Они празднуютъ новый годъ (начало года, мѣсяца, недѣли). Этотъ праздникъ продолжается три дня (тройной), во время него молятъ о ниспосланіи хорошаго урожая. Близкимъ въ этотъ праздникъ доставляютъ визитныя карточки (лаковый ящикъ съ именемъ доставляющаго, съ тремя опахалами внутри, къ каждому изъ которыхъ привѣшено аваблъ—засушеное мясо очень невкусной устрицы. Воспоминаніе о бѣдности предковъ). Празднуютъ 3 день 3-й луны, 5—5-й, 7—7-й, 9—9-й. Дни празднествъ считаются несчастными, поэтому въ нихъ и не работаютъ и молятъ боговъ, чтобы, значитъ, превратить ихъ въ счастливые. Этотъ обычай отдавать несчастные дни Господу имѣлъ мѣсто не въ одной Японіи. Раціоналистическая теорія изъ этого начала пытается даже вывести празднованіе субботы. Безъ сомнѣнія, нужно соглашаться съ раціоналистами, когда они правы, но въ концѣ концовъ это не будетъ для нихъ выгоднымъ. Работать, когда не надобно, конечно, вредно, вредно даже простое переутомленіе. Поэтому разъ вѣрно и здраво установлено, что тогда-то не нужно работать, попытка нарушать это запрещеніе въ общемъ (исключенія допустить необходимо) будетъ влечь за собою несчастныя послѣдствія. Такіе дни окажутся несчастными. Такъ, повидимому, какой-то опытъ заставляетъ народы бросать занятія въ седьмые дни, и воскресенье становится праздникомъ и у мусульманъ и у японцевъ. Съ нѣкоторыми изъ перечисленныхъ празднествъ связаны своеобразныя легенды. Такъ съ праздникомъ богинѣ богатствъ (3 день 3-й луны) сказаніе о женщинѣ Бунзіо, молившей боговъ о дарованіи ей дѣтей и снесшей 500 яицъ. Сочтя это демонскимъ навожденіемъ, она заключила ихъ въ ящикъ и бросила въ птичью рѣку. Старая чета нашла этотъ ящикъ. Старуха думала, что грѣхъ брать чужое добро и посовѣтовала бросить ящикъ назадъ. Но старикъ разсуждалъ иначе и рѣ-

шилъ искусственно вывесть изъ яицъ циплятъ. Вмѣсто циплятъ вышли мальчики. Когда они выросли, стали разбойниками. Имъ посовѣтовали ограбить домъ Бунзіо, но вмѣсто того чтобы грабить, они явились туда со скромной просьбой о пищѣ. Бунзіо приняла ихъ и ихъ исторія разъяснилась. Далѣе, она стала богиней, а они—святыми. Рисовые пироги съ начинкой изъ чернобыльника, прикрытые абрикосовыми вѣтвями —символическая пища этого праздника, напоминающая о томъ, чѣмъ Бунзіо накормила при свиданіи своихъ дѣтей. Къ другому празднику пріурочивается сказаніе о потопѣ (5 день 5-й луны). Нечестивые жители одного острова около Формозы, занимавшіеся приготовленіемъ фарфоровой посуды (као-линъ), такъ разгнѣвали боговъ, что боги рѣшили потопить островъ, но спасти его благочестиваго царя—Пеирууна Ему было сказано, чтобы онъ отплылъ съ острова, когда у двухъ идоловъ—созидателя и разрушителя—покраснѣютъ лица. Пеирууиъ призывалъ всѣхъ исправиться, сообщилъ о признакѣ приближающейся гибели. Надъ нимъ смѣялись и вымарали лица идоловъ красной краской. Увидѣвъ, что идолы покраснѣли, Пеирууиъ отплылъ, а островъ погрузился на дно моря.

Есть у японцевъ праздники въ честь предковъ (еще въ честь боговъ царствующаго дома), праздники, связанные съ событіями въ природѣ (жатвой), празднества въ честь разныхъ боговъ (напр. охоты). Почитаются духи и во всякомъ случаѣ съ ними вступаютъ въ сношеніе (они—полулюди—злые духи, тенгу—духи стихій—безвредны). Къ культу предковъ примыкаетъ культъ святыхъ или героевъ (такъ почитается Михизанше бывшій министромъ, умеръ въ изгнаніи въ самомъ началѣ X в. Императоръ Ожинъ и др.). Къ праздникамъ у японцевъ пріурочиваются семейныя событія—нареченіе имени новорожденному, помолвки, свадьбы. Указываютъ на слѣды почитанія огня. Ихъ хотятъ видѣть въ праздничныхъ иллюминаціяхъ, въ зажиганіи лампадокъ на Ками-симсѣ, въ устроеніи новыхъ очаговъ предъ новымъ годомъ, въ прохожденіи чрезъ огонь (безъ обуви), имѣвшемъ значеніе испытанія невинности (какъ мы указали, дѣлается это у яммабосовъ). Существуетъ почитаніе деревьевъ. Почитаются и животныя. Въ

отношеніи къ нѣкоторымъ изъ почитаемыхъ животныхъ обнаруживается двойственность: то за ними ухаживаютъ, то ихъ избиваютъ. Двойственно отношеніе къ лисицѣ. Японскія легенды нерѣдко представляютъ ее превращающеюся къ красавицу, становящеюся женою царя и потомъ обличаемую. Такъ есть сказаніе, что лисица, преслѣдуемая охотниками, бросилась на грудь къ царю и довѣрчиво прижалась къ нему. Царь сжалился надъ бѣдной лисичкой и защитилъ ее. Послѣ къ царю явилась дѣва необыкновенной красоты. Онъ женился на ней, она родила ему сына Аби о-Сеимеи, японскаго мага, но сама потомъ превратилась въ лисицу. Другая легенда разсказываетъ, какъ японскій принцъ женился на необыкновенной красавицѣ, любилъ ее, проводилъ все время около нея, покидая ее лишь для охоты. И вернувшись однажды, онъ вошелъ въ спальню и крайне удивился: жены, которая должна была быть тамъ, не было. Еще болѣе удивился онъ, увидѣвъ, что на роскошныхъ подушкахъ расшитыхъ хризантемами спитъ большая странная лисица. Онъ пустилъ въ нее стрѣлу, но такъ какъ онъ былъ взволнованъ, то стрѣла только оцарапала лобъ лисицы. Та вскочила и выскочила изъ спальни. Принцъ объяснилъ себѣ все случайностію и удалился. Вернувшись вечеромъ, онъ увидѣлъ у жены царапину на лбу. Безъ всякаго умысла спросилъ онъ ее объ этой царапинѣ. Зловѣщій огонекъ заблисталъ въ ея глазахъ. Жрецъ произнесъ надъ нею заклинаніе, и вмѣсто прекрасной супруги принцъ увидѣлъ предъ собою страшную лисицу съ царапиной на лбу. Такъ лисицы способны становиться оборотнями, лисицы обманываютъ и очаровываютъ людей, но лисицы дарятъ имъ и прекрасныхъ сыновей и лисицы посвящены богинѣ земли, богинѣ обилія. Лисицы находятся подъ покровительствомъ бога Инари. Двойственно также отношеніе къ змѣямъ, ихъ избиваютъ порою, но порою ихъ засушенные останки почитаются какъ святыня. Въ Нагасаки весною бываетъ праздникъ змѣй. Гдѣ праздникъ у японцевъ, тамъ и ярмарка, танцы, звѣринцы, гулянья. На праздникѣ змѣй японцы занимаются пусканіемъ змѣй и своеобразнымъ состязаніемъ при этихъ пусканіяхъ. Цвѣтные и разрисованные бумажные змѣи, дости-

гающіе размѣровъ ½ квадратной сажени, высоко и красиво парятъ въ воздухѣ, они пускаются на ниткахъ, натертыхъ стекляннымъ пескомъ. Задача пускающаго состоитъ въ томъ, чтобы перерѣзывать своимъ змѣемъ нити другихъ змѣевъ, а самому оставаться невредимымъ. Японцы—изумительнѣйшіе жонглеры въ мірѣ и понятно, что устраиваемое ими состязаніе змѣевъ—требующее очень много спеціальнаго искусства и въ то же время изящное—доставляетъ много удовольствія зрителямъ. Требовалось порою почитаніе собакъ. Относительно этого существуетъ такой анекдотъ. Царствовавшій микадо былъ рожденъ подъ созвѣдіемъ собаки. Къ собакѣ требовалось великое почтеніе. Издохшихъ собакъ нужно было хоронить съ особыми почестями на горахъ или на высокихъ мѣстахъ. Два носильщика въ жаркій лѣтній день тащили трупъ собаки на гору. Одинъ изъ нихъ началъ ругать законъ, повелѣвающій такъ почитать собаку. „Молчи“, сказалъ другой, „хорошо еще, что микадо родился подъ созвѣздіемъ собаки, а что если бы онъ родился подъ созвѣздіемъ быка“. Почитаютъ въ Японіи пѣтуха, какъ посвященнаго божеству солнца. Почитаютъ бѣлаго коня. Эти животныя и птицы часто содержатся при храмахъ, и благочестивые посѣтители приносятъ имъ кормъ.

Развито въ Японіи паломничество по святымъ мѣстамъ. По-видимому, оно, главнымъ образомъ, имѣетъ характеръ развлеченія и можетъ быть только для немногихъ оно является исключительно религіознымъ дѣломъ. Когда паломникъ отправляется изъ дому, у дверей его дома вывѣщиваютъ веревку, обернутую бѣлой бумагой. Это—знакъ всѣмъ понятный, имъ отказывается посѣтителямъ и запрещается приближаться къ дому оскверненнымъ. Паломники путешествуютъ въ бѣлыхъ балахонахъ, тростниковыхъ шляпахъ, съ длинными посохами, бѣдные несутъ съ собою нужный скарбъ. На шляпѣ или на спинѣ балахона у богомольца вышитъ его адресъ. Но совершаютъ паломничества и такъ, что они пріобрѣтаютъ характеръ исключительно веселаго пикника. Мѣсто главныхъ святыней Японіи есть Иссе. Туда идутъ толпы богомольцевъ изъ всѣхъ угловъ Японіи во всякое время года, но особенно они стекаются туда весною. Иссе называютъ шинтоисскимъ Іерусали-

момъ или Меккою Главное божество, которому посвящены храмы Иссе, есть Тен-сооко. Его храмъ называется Дайзинъ (жилище великаго бога), его называютъ Иссіе-міа (жилище живой души: какъ душа живетъ въ тѣлѣ, такъ Богъ въ храмѣ). Храмъ этотъ очень древенъ и простъ. Въ Иссе хранится зеркало, которое по сказанію Аматеразу дала Нииги, когда послала его на землю. Около храма въ Иссе въ маленькихъ часовняхъ живутъ канузи (прислужники храма, имѣются еще *нечи*-толкователи слова божьяго и *тайе*—страннопріимцы, заботящіеся о приходящихъ). Къ канузи приходитъ пиллигримъ, кланяется въ землю, отъ него онъ можетъ получить проводника, который потомъ водитъ его по святынямъ. Важнѣйшіе храмы въ Иссе—въ Геку и Найку. Странствуя по святынямъ, паломникъ доходитъ до того, что представляетъ собою, такъ сказать, святое святыхъ шинтоизма (шаденъ—святилище боговъ). Представимъ себѣ платформу, поддерживаемую устоями въ шесть футовъ высоты. На этой платформѣ стоитъ зданіе около пяти сажень въ длину и двухъ съ половиною въ ширину, оно построено изъ простого дерева безъ всякихъ украшеній. Въ немъ помѣщаются четыре некрашенныхъ деревянныхъ ящика, въ каждомъ находится зеркало, завернутое въ глазетовый чехолъ, ящики прикрыты шелковою тканью. Вотъ, что соотвѣтствуетъ покрывалу Изиды въ шинтоизмѣ. Поклонившись главной святынѣ, помолившись, паломникъ покупаетъ о-хараи (для себя, близкихъ и знакомыхъ; о-хараи похожи на папиросные ящики $6\times3\times1^1/_2$ вершковъ, внутри тоненькія палочки обернутыя бумагою), другіе талисманы (куски дерева отъ священныхъ построекъ, рисовыя почки, принесенныя въ жертву богамъ). Эти святыни разносятся изъ Иссе по Японіи и ихъ можно постоянно встрѣчать въ частныхъ домахъ. Богомольцамъ въ Иссе показываютъ священную пещеру, въ которой скрывался Тенъ-сооко-Дайзинъ, въ доказательство того, что онъ не нуждается ни въ лунномъ, ни въ солнечномъ свѣтѣ, что онъ самъ есть богъ.

Паломничество въ Иссе завершается празднествами, кутежами и даже оргіями въ близь лежащихъ городахъ Фурумичи и Ямато.

Шинто знаетъ и пустынниковъ и аскетовъ. Таковы яммабосы, о которыхъ уже шла рѣчь. Они распадаются на ордена, у нихъ требуются тяжелые подвиги—голодъ, купанье въ ледяной водѣ, поднятіе на высокія горы. Они обязаны совершать восхожденіе на гору „Фучи-Яма". Съ горы открывается великолѣпный видъ восходящаго солнца. Можетъ быть отсюда и названіе Японіи—страна восходящаго солнца. Существуютъ кромѣ яммабосовъ и иныя религіозныя общины среди шинтоистовъ, напримѣръ, община слѣпыхъ.

Шинтоизмъ былъ древнею національною религіею Японіи и въ 1868 году снова въ ней сталъ государственной религіей, между тѣмъ какъ предъ этимъ временемъ въ Японіи возобладалъ буддизмъ. Но замѣчательно, что это правительственное покровительство при возникшемъ въ Японіи строѣ по самому существу стоитъ въ противорѣчіи съ принципами шинтоизма. Въ Шинто важную роль играетъ догматъ микадизма. Этотъ догматъ очень сходенъ съ конфуціанскимъ воззрѣніемъ на китайскаго императора, но идетъ еще далѣе его въ представленіи о прерогативахъ правительственной власти. Микадо—богъ, сынъ неба. Въ Китаѣ допускается, что онъ можетъ отступать отъ воли неба и тогда можно идти противъ него. Японцамъ не чуждо воззрѣніе, что воля микадо божественна сама по себѣ. Сидитъ микадо на своемъ тронѣ, въ своемъ дворцѣ спокойно, спокойно и въ странѣ, повелъ онъ бровями и понеслись облака. Это, конечно, уже крайнее и метафорическое представленіе дѣла. Но культъ микадо и культъ его предковъ—вовсе не метафора. Изъ этого религіознаго догмата, конечно, само собою слѣдуетъ догматъ абсолютизма власти микадо. Но на практикѣ дѣло свелось къ тому, что микадо въ сущности не имѣли власти и не управляли. Управляли шогуны—своего рода японскіе мажордомы. А микадо только царствовали и принимали божескія почести. Въ 1868 г. такому порядку вещей былъ положенъ конецъ. Муцу-хито, ставши микадо, принялъ дѣйствительную власть. Онъ пріобщилъ Японію европейской и американской культурѣ, заботясь въ то же время о сохраненіи національнаго духа, онъ стремился упрочить національную религію и, ставя выше всего націю, онъ учредилъ конститу-

цію. Здѣсь и открывается противорѣчіе съ шинто. Обожествляется не воля микадо, а воля народа, по отношенію къ которой микадо нерѣдко является лишь исполнительнымъ органомъ. Почитаніе боговъ, патріотизмъ, ясное пониманіе велѣній совѣсти и ихъ исполненіе, почитаніе микадо и исполненіе его воли, вотъ что требовалось отъ японцевъ въ возрожденномъ шинтоизмѣ, но послѣднее изъ этихъ требованій теперь отвергнуто, а остальныя такъ эластичны, что въ нихъ можно вложить и буддійское и христіанское міросозерцаніе.

Дѣйствительныя основы шинтоизма, это—голосъ совѣсти и требованія традиціи. Но голосъ совѣсти не характеризуетъ шинтоизма, какъ не характеризуетъ никакую національную религію, онъ—общечеловѣческій, а не племенной. Силѣ японской традиціи грозитъ, повидимому, одна способность присущая японцамъ въ высокой степени—способность къ подражанію. Сознаніе необходимости подражать культурнымъ народамъ, соединенное съ способностію къ такому подражанію, очень скоро эмансипируетъ ихъ отъ древне-отеческихъ религіозныхъ представленій.

Но если шинтоизмъ только въ будущемъ исчезнетъ изъ обихода религіозныхъ воззрѣній японцевъ, то его исчезновеніе съ поверхности японской жизни, отступленіе въ глубь началось уже давно. На почву Японіи пришли съ материка изъ Китая проходомъ главнымъ образомъ черезъ Корею три китайскія религіи—конфуціанство, таоизмъ и буддизмъ. Но конфуціанство есть главнымъ образомъ позитивная мораль и теорія государственнаго уклада, но не религія. Повліявъ на порядки и нравы Японіи, оно не коснулось ея вѣрованій. Таоизмъ существовалъ въ Китаѣ въ двухъ формахъ—въ формѣ возвышенно метафизической. Она была недоступна японцамъ. И въ формѣ грубо шаманистической. Въ этомъ видѣ она примкнула къ культу Ками. Пришелъ изъ Кореи въ Японію и буддизмъ. Онъ сказался на ея жизни гораздо болѣе могучимъ вліяніемъ.

Основныя положенія буддизма очень просты. Буддизмъ не признаетъ ни творца, ни творенія. Міръ вѣченъ, онъ всегда существовалъ и будетъ существовать. Міровая жизнь представляетъ собою вѣчный круговоротъ. Пройдя четыре послѣдо-

вательныхъ періода: образованія, развитія, старчества и разрушенія и закончивъ свое бытіе превращеніемъ въ хаосъ, міръ черезъ нѣкоторое время опять начинаетъ проходить все тѣ же періоды. Продолжительность каждаго изъ этихъ періодовъ равна 84,000 годамъ. Она называется „Кальпа". Въ каждую кальпу является свой Будда (т. е. просвѣтитель), открывающій тварямъ истину. Въ настоящее время міръ находится въ періодѣ старчества и, значитъ, Будда настоящаго періода—Гаутама—есть третій будда въ дѣйствительномъ мірѣ. Душа безсмертна и совершенно отлична отъ того вещества, съ которымъ живетъ въ соединеніи. Вовлеченная въ вихрь жизни, душа проходитъ серію послѣдовательныхъ существованій, переселяясь изъ одного тѣла въ другое, живя въ условіяхъ болѣе или менѣе счастливыхъ. Благополучіе или неблагополучіе въ жизни роковымъ образомъ опредѣляется тѣмъ, что сдѣлалъ живущій въ своемъ предшествовавшемъ существованіи: за добродѣтель онъ получаетъ въ удѣлъ счастливую жизнь и его душа воплощается въ существахъ высшаго ранга, за преступленіе онъ получаетъ въ удѣлъ страданіе и воплощается въ какихъ либо низшихъ тваряхъ. Этотъ законъ возмездія называется Карма (послѣдовательность дѣйствій). Согласно этому закону преступная душа можетъ воплотиться въ тѣлѣ демоновъ, животныхъ, а въ наказаніе за великія преступленія можетъ быть низведена въ одинъ изъ восьми существующихъ типовъ ада. Но адъ не вѣченъ. Претерпѣвши въ немъ должное наказаніе, душа опять начнетъ рядъ переселеній и опять можетъ подниматься по восходящимъ ступенямъ: воплощаться въ животныхъ, человѣкѣ, геніи, бодисатвѣ и, наконецъ, послѣ послѣдняго воплощенія подъ человѣческою формою можетъ войти въ нирвану—вѣчный покой, конецъ всѣхъ переселеній. Ступени, по которымъ можетъ совершаться процессъ метамисихозиса, называются у буддистовъ десятью мірами: 1) міръ Будды или Нирвана, 2) міръ бодисатвъ или тусита, 3) міръ бодисатвъ или брамы, 4) міръ высшихъ геніевъ и нага, 5) человѣческій міръ, 6) міръ низшихъ геніевъ,—азуровъ, 7) міръ демоновъ—якса, 8) міръ алчныхъ—якса, 9) міръ животныхъ 10) міръ ада. Подъ этими мірами разумѣются не области пространства,

а состоянія души. Блаженный конецъ, о которомъ вздыхаютъ и къ которому стремятся всѣ души, называется нирваною. Достигнуть нирваны значитъ освободиться отъ страданія и скорбныхъ условій бытія. Тотъ, кто достигъ нирваны, не можетъ возрождаться болѣе, онъ освобожденъ отъ зла навсегда. Такое опредѣленіе нирваны естественно подсказываетъ отождествленіе ея съ небытіемъ, однако буддисты говорятъ о блаженной нирванѣ, о сохраненіе личности и спасеніи въ нирванѣ. Нѣкоторые учатъ, что блаженство нирваны можно вкусить уже въ настоящей жизни. Запутываясь въ опредѣленіи нирваны, буддизмъ очень опредѣленно учитъ о томъ, какъ ее достигнуть. Сущность этого ученія носитъ имя „аріани катіаны“ четыре превосходнѣйшихъ истины: 1) существованіе есть зло, потому что всякое существованіе есть безпокойное желаніе, потребность наслажденій и при наслажденіяхъ томленіе по новымъ наслажденіямъ. Бытіе есть вѣчная смѣна явленій, въ которомъ каждая форма возникаетъ лишь затѣмъ, чтобы снова распасться, какъ водяной пузырь. Юность есть ничто, потому что она превращается въ старость, красота есть ничто, потому что она исчезнетъ, какъ метеоръ; здоровье смѣнится болѣзнью, жизнь смертью; но—и въ этомъ заключается величайшее зло—и смерть есть ничто, такъ какъ она ведетъ къ возрожденію, къ обновленному бытію, къ новому кругу скорби и страданій. 2) Какая причина существованія и различныхъ родовъ существованія? Причина увѣковѣченія скорби есть та же самая, какъ и причина скорби вообще. Всѣ отдѣльныя страданія суть не что иное, какъ задержанныя жизненныя стремленія. Но жизненныя стремленія въ ихъ безчисленномъ разнообразіи въ своей сущности представляютъ различныя формы проявленія одного и того же стремленія къ существованію, стремленія къ бытію и его сохраненію. Такимъ образомъ стремленіе къ бытію есть основная сила, побуждающая къ постоянному обновленію скорби. Стремленіе къ жизни обусловливаетъ возрожденія, а законъ возмездія (карма) опредѣляетъ ихъ характеръ. Пока человѣкъ не знаетъ истины, имѣетъ страсти, дурныя наклонности, пока онъ привязанъ къ вещественнымъ предметамъ, онъ будетъ возвращаться и не

выйдетъ изъ самсары (кругового бытія). 3) Вторая истина говоритъ о томъ, что производитъ бытіе, третья—о томъ что его можетъ уничтожить. Причина бытія—желаніе, угашеніе желаній есть уничтоженіе бытія. Пока мы въ своей волѣ и желаніяхъ будемъ стремиться имѣть мысли и чувствованія, дотолѣ мы не будемъ владѣть истиннымъ покоемъ. Только въ совершенномъ ничто, гдѣ нѣтъ ни мышленія, ни немышленія, мы совершенно освободимся отъ скорби бытія. 4) Какая дорога ведетъ къ этой цѣли?—Уничтоженіе зла, исполненіе всякаго добра, кроткая настроенность собственныхъ мыслей. Пять главныхъ заповѣдей дается относительно зла: 1) не убивай (даже и животныхъ), 2) не воруй, 3) не прелюбодѣйствуй, 4) не лги 5) не употребляй опьяняющихъ напитковъ. Относительно добра повелѣвается: будь снисходителенъ ко всякой твари. „Мой законъ, говорилъ Будда, есть законъ милости для всѣхъ. Какъ вода очищаетъ все и омываетъ доброе и злое, и какъ неба довольно для всѣхъ, такъ и мое ученіе не знаетъ различія между мущиною и женщиною, знатнымъ и незнатнымъ, судрой и браманомъ“. Не только къ людямъ, но и къ животнымъ и насѣкомымъ нужно питать жалость и избавлять ихъ отъ страданій. Существуютъ буддійскія богадѣльни для ухаживанія за гадами. По отношенію къ себѣ должно побѣждать всѣ свои влеченія и привязанности. „Кто побѣдитъ самого себя, тотъ есть лучшій повелитель, его побѣды не можетъ у него отнять никакой богъ и никакой демонъ. Никакой огонь не сильнѣе желанія, никакой плѣнъ не сильнѣе ненависти, никакая сѣть не крѣпче страсти... Вырывайте самый корень желаній... Да подавляетъ человѣкъ въ себѣ гнѣвъ, да подавляетъ высокомѣріе, разрушаетъ всякія преграды... Гнѣвъ не утишится гнѣвомъ, но смиреніемъ“. Въ другихъ правилахъ говорится: „любовь приноситъ скорбь, и потеря возлюбленныхъ тягостна; поэтому такая скорбь должна остаться далеко отъ тѣхъ, которые вступили на путь спасенія“. Эти принципы морали не отрицаютъ міра (хорошо помогать живущимъ въ мірѣ), но они подсказываютъ, что лучше оставить міръ для самоусовершенствованія и созерцанія. Допуская существованіе буддистовъ мірянъ, система однако отдаетъ предпочтеніе буддистамъ мо-

нахамъ. Буддійскіе міряне носятъ названіе хозяевъ, подавателей милостыни и слушателей (ученіе, упасака). Буддисты, порвавшіе для усовершенствованія съ семейною и мірскою жизнію, называются срамана—святые, бикшу—нищіе, монахи, достигшіе сравнительно высшей степени усовершенія—аргаты—достопочтенные. Достигшіе высшей степени святости, называются бодисатвы. Это кандидаты въ Будды; имъ нужно еще только одно рожденіе, они достигнутъ нирваны. Тогда два пути открываются передъ вѣрнымъ. Если онъ, побуждаемый жалостію и любовію къ ближнимъ, желаетъ спасти не только самого себя, но и помогать своимъ ближнимъ въ дѣлѣ спасенія, онъ становится буддою совершеннымъ. Но если онъ довольствуется личнымъ спасеніемъ и не думаетъ о спасеніи другихъ, онъ становится пратіека—Будда. Онъ достигаетъ нирваны, но у него нѣтъ власти совершенныхъ буддъ, онъ не есть „благословеніе для міра“. Будды это люди, ставшіе богами. Они безсмертны, погружены въ экстазъ нирваны и свободны отъ всѣхъ человѣческихъ скорбей и слабостей, добрыми рѣшеніями и силою своей воли помогаютъ людямъ, которымъ они внушаютъ нужное въ дѣлѣ освобожденія отъ связей съ самсарою. Они имѣютъ власть надъ природою, могутъ измѣнять и исправлять законы, но они, какъ и никто, не могутъ ничего творить. Въ сѣверныхъ буддійскихъ сектахъ . школы махаяна, надъ этими человѣческими буддами—макуши — будда — помѣщаютъ еще пять діани — буддъ — будды созерцанія. Они существуютъ сами собою раньше образованія міра, они руководятъ человѣческими буддами. Особенно замѣчателенъ изъ этихъ діаній буддъ—будда Амитабха. Онъ представляется божествомъ погребальнымъ, направляющимъ умершихъ въ низшій рай—сукхавати. Въ нѣкоторыхъ сектахъ во главѣ іерархіи этихъ несозданныхъ буддъ ставится Адибудда. Діани—будды имѣютъ пять духовныхъ сыновей діани-бидисатвъ, которыхъ они создали изъ своего собственнаго существа, чтобы имѣть въ нихъ своихъ помощниковъ въ трудномъ дѣлѣ вести существа ко спасенію. Наибольшею извѣстностію изъ діаній-бодисатвъ пользуется Аволоктитесвара. Онъ родился отъ взгляда Амитабы. Это божество представляется

обыкновенно въ образѣ женщины Кванйинъ, которое пользуется еще большею популярностію, чѣмъ Амитабха. Сострадательная богиня, она обѣщала проявляться во всѣхъ безчисленнымъ мірахъ, чтобы спасти ихъ обитателей. Съ цѣлью спасенья она посѣщала и ады. Вотъ одна изъ популярныхъ молитвъ, съ которою обращаются къ ней: „пусть всевидящая и всемогущая Кванъ-йинъ въ силу своего обѣта придетъ сюда на наши молитвы и избавитъ насъ отъ трехъ препятствій“ (нечистыхъ помысловъ, словъ и поступковъ). Стараясь всѣхъ привести въ рай Амитабха, Кванъ-йинъ заботится и о земномъ благополучіи людей. Она считается подательницею дѣтей, и ея изображенія, указывающія на это ея значеніе, весьма сходны съ изображеніями мадоннъ. Славословія въ честь ея, или вѣрнѣе заклинанія ея именемъ, повидимому, должны помогать въ самыхъ различныхъ случаяхъ. „Слава доброй сострадательной Кван-йинъ. Если бы я былъ брошенъ на груду ножей, они не повредили бы мнѣ. Если бы я былъ поверженъ въ огненное озеро, оно не сожгло бы меня. Если бы я былъ окруженъ голодными духами, они не тронули бы меня. Если бы я былъ отданъ во власть демоновъ, они не коснулись бы меня. Если бы я былъ превращенъ въ животное, и тогда я попалъ бы на небо. Слава сострадательной Кван-йинъ“. Большое значеніе имѣетъ еще Майтрейя (Ми-ли-фо)—Будда будущаго, къ которому обращаются упованія буддистовъ уже въ настоящемъ. Всѣ боги браманизма принимаются буддизмомъ, но они поставляются ниже буддъ и бодисатвъ. Они признаются святыми существами съ очень ограниченною властію и силою. Южный буддизмъ называется школою Хинаяна—малой повозкой. Это названіе намекаетъ на его сравнительную простоту и ограниченность требованій. Несомнѣнно, онъ ближе къ первоначальному буддизму, его пантеонъ бѣденъ, его догматы просты, культъ развитъ несравненно меньше. Онъ распространенъ на Цейлонѣ, въ Камбоджѣ, Бирманіи и Сіамѣ. Сѣверный буддизмъ называется школою Махаяна—большая повозка. Онъ возникъ, должно быть, въ сѣверной Индіи (въ настоящее время въ Остъ-Индіи нѣтъ буддистовъ) и оттуда распространился по всей восточной Азіи Онъ имѣетъ сложную догму,

сложный культъ, богатую іерархію. Его монахи и жрецы даютъ обѣтъ цѣломудрія, бѣдности, повиновенія высшимъ. Имъ запрещается ѣсть мясо, пить вино и возбуждающіе напитки. Они должны соблюдать частые и крайне суровые посты. Они живутъ въ вихара, что можно приблизительно перевести—въ монастыряхъ. Они поютъ священныя пѣсни, читаютъ священныя книги, совершаютъ религіозные обряды надъ новорожденными, при бракахъ и похоронахъ. Обучаютъ новичковъ, переписываютъ священныя книги, дѣлаютъ предметы для религіознаго употребленія (статуэтки и т. п.), нерѣдко они—астрологи, алхимики, предсказатели.

Одно изъ принпиціальныхъ различій школы хинаяна и махаяна состоитъ въ томъ, что хинаяна въ дѣлѣ достиженія человѣкомъ нирваны устраняетъ божественную благодатную, вообще сверхъестественную помощь. Человѣкъ лишь собственными усиліями идетъ въ нирванѣ. Въ махаянѣ сверхъестественная помощь играетъ великую роль—мистическіе обряды, суевѣрія, торжественныя богослуженія играютъ большую роль въ махаянскомъ буддизмѣ. Только въ Китаѣ—вниманіе буддистовъ останавливается главнымъ образомъ на мистической сущности, а въ Японіи—на внѣшней торжественной и занимательной ея оболочкѣ.

Въ Японіи множество буддійскихъ идоловъ. Они, какъ и въ другихъ странахъ, характеризуются громадностію, чудовищными особенностями и безобразіемъ. Но всѣ эти ихъ черты не мѣшаютъ другимъ сторонамъ культа быть эстетическими. Они —эти идолы—освящены древностію и вѣра въ нихъ видитъ не ихъ грубую внѣшность, а ихъ высокую внутреннюю сущность. Въ Индіи размѣры идоловъ Будды опредѣлялись по такому масштабу. Указывали гдѣ либо отпечатавшуюся ступню Будды размѣромъ въ косую сажень, по закону о пропорціяхъ человѣческаго тѣла дѣлали расчетъ, каковъ долженъ быть Будда, и воздвигали громаднаго идола. Громадные идолы Будды находятся и въ Японіи, напримѣръ, гигантскій идолъ въ Кіото. Для выраженія идеи восточная фантазія не стѣсняется прибѣгать къ грубому символу. Божество милосердія, чтобы успѣшно помогать, должно обладать множествомъ рукъ. Его и

надѣляютъ таковыми. Изображеніе выходитъ чудовищнымъ, между тѣмъ оно должно было служить выраженіемъ доброй мысли. Наконецъ, предметъ тѣмъ болѣе священенъ, чѣмъ болѣе онъ древенъ, между тѣмъ искусство чѣмъ древнѣе, тѣмъ хуже. Отсюда древнія изображенія Кваннонъ (японское названіе тожественное Кванйинъ китайскому) безобразны. Почему о японцахъ и говорятъ, что въ награду за все добро, получаемое отъ доброй богини, японцы надѣлили ее мерзкою наружностію.

Храмъ этой богини въ Токіо есть одно изъ самыхъ величественныхъ буддійскихъ сооруженій въ Японіи. Буддійскіе храмы бываютъ обыкновенно окружены дворомъ, въ который ведутъ одни или двое воротъ. Въ воротахъ стоятъ два идола выкрашенные одинъ въ красную, другой—въ зеленую краску. Это—стражи храма, стражи 4-хъ странъ свѣта, красный и зеленый дьяволы. Видъ ихъ очень непривлекателенъ. Въ другихъ воротахъ, если таковыя бываютъ, ставятся изображенія грома и вѣтра. Въ токійскій храмъ Кваннонъ ведутъ двухъэтажныя ворота въ десять саженъ высотою. Отъ воротъ уже выступаютъ обѣтныя приношенія. Гигантскія и безобразныя соломенныя сандаліи, повѣшенныя на рѣшеткѣ у входа, свидѣтельствуютъ о благочестіи какого-либо крестьянина, исцѣлившагося отъ болѣзни ногъ благодаря Кваннонъ. По двору ходятъ пѣтухи, куры, голуби. Они кормятся благочестіемъ богомольцевъ. Развѣшены афиши и рекламы разнаго рода (о хорошей водкѣ саке). На дворѣ находится бассейнъ, гдѣ совершаются умовенія. Виситъ большой колоколъ. Устроена семиэтажная пагода съ высокимъ шпицемъ и со множествомъ колокольчиковъ. Устроено зданіе для пріема пожертвованій. Алтарь Кваннонъ помѣщается въ прекрасномъ зданіи и отличается богатствомъ и роскошью. Курильницы, свѣтильники, живые цвѣты стоятъ предъ идоломъ богини. У Кваннонъ множество глазъ и рукъ (чтобы все видѣть и всему помогать). Благочестивый почитатель богини пишетъ свое прошеніе на бумажкѣ, скатываетъ ее въ шарикъ, кладетъ въ ротъ, и растворивши въ своей слюнѣ, плюетъ на идола. Доплюнетъ онъ (алтарь идола отдѣляется рѣшеткой отъ части храма, гдѣ на-

ходятся богомольцы), можно надѣяться, что богиня исполнитъ его просьбу. Въ храмѣ Кваннонъ въ боковыхъ помѣщеніяхъ находятся много другихъ идоловъ. Большимъ почитаніемъ пользуется Бинзуру—одинъ изъ 16 учениковъ Будды, буддійскій эскулапъ. Соотвѣтствующее больному мѣсто нужно потереть у идола, затѣмъ у больного, и ждать выздоровленія.

Богослуженія торжественны.—Бонзы—буддійскіе жрецы служатъ въ шитыхъ золотомъ облаченіяхъ. Освященіе хлѣбовъ, воскуреніе фиміама, возженіе свѣтильниковъ, употребленіе колокольчиковъ, религіозная живопись,—все это въ буддійскихъ храмахъ напоминаетъ о христіанскихъ, особенно о католическихъ. Отъ храмовъ (Міа) чистаго шинто буддійскіе храмы (тера) отличаются значительно. Вмѣсто торіи красный и зеленый діаволъ, колокольни (навѣсъ съ большимъ колоколомъ и пагода съ колокольчиками), вертящаяся библіотека, въ которой заключены всѣ каноническія буддійскія писанія (Ринцо), идолы, реликвіи.

Около буддійскихъ храмовъ, какъ и около шинтоисскихъ держатся постоянныя или временныя ярмарки со всѣмъ тѣмъ, что дѣлается, показывается и продается на ярмаркахъ.

Буддизмъ въ Японіи, какъ и въ другихъ мѣстахъ, раздробился на много сектъ и подсектъ. Вотъ—наиболѣе выдающіяся секты, къ которымъ приближаются остальныя, какъ ихъ развѣтвленія. Секта Тендаи—одна изъ самыхъ древнихъ. Она возникла въ Китаѣ, гдѣ основателемъ ея считается Эмонъ (изъ монастыря тіенъ-таі). Въ Японіи ея ученіе распространилъ Денгніоодаисси. Эта секта допускаетъ возможность для каждаго достигнуть нирваны. Она допускаетъ, что блаженство или состояніе нирваны человѣкъ можетъ испытать уже въ этой жизни. Она отрицаетъ необходимость для спасенія монашескаго состоянія и перевоплощеній. Наиболѣе почитаются ею Шакія-муни и Куаннонъ. Куаннонъ вообще изображается подъ образомъ женщины, но этотъ образъ есть одна изъ формъ божества, но не его сущность. Оно является и въ юношескомъ образѣ. Принципъ его мыслится мужскимъ. Оно называется и эманаціей, и сыномъ Амиды. Шинтоисскіе ками вошли въ сферу японскаго буддизма. Тендаи почитаетъ изъ нихъ Бисхамонъ

и особенно Бенъ-Тенъ, божество острова Энозима; это—японская Венера. Она считается покровительницей мореплавателей. Иногда ее смѣшиваютъ съ Куаннонъ. Эта секта очень древняя, очень богатая. Она владѣетъ массою идоловъ и образовъ. Секта Ценъ-сіу—китайскаго происхожденія (основана въ Китаѣ Дармой, имя по индійски значитъ законъ) и на японской почвѣ, куда перенесена До-гуеномъ, наиболѣе сохранила китайскій характеръ. Шакія-муни и Куаннонъ, какъ и въ сектѣ Тендаи, играютъ главную роль. Зато Амида совершенно стушевался предъ другими богами у буддистовъ этого толка. Секта Шингонъ. Въ Китаѣ основана Кей-гуа. Въ Японію принесена жрецомъ Кео-боо-даи-сси. Онъ изобрѣлъ для японцевъ курсивное письмо и именно съ его времени буддизмъ сталъ распространяться въ Японіи. Любопытны ея Мандара—полная совокупность—символъ вселенной, которая олицетворяется въ буддахъ (см. Мандара храма Тоджи. Guide au Musée Guimet 1899 p. 242). Оказывается, по этой концепціи вселенной, что и демоны вовсе не враги, а помощники и служители дѣла Будды. Концепція собственно общечеловѣческая: демоны преслѣдуютъ грѣшника и тѣмъ самымъ направляютъ его на путь правый. Секта Шингои выше Будды ставитъ Даината-піураи и Розану, двѣ формы Ади-Будды. Важную роль играетъ въ ней Куаннонъ. Шингои первая ввела шинтоисскихъ ками въ буддійскій пантеонъ (Анценъ-міо-о, Фудо-міо-о). Секта Хокке-сіу. Ее основалъ Ничиренъ. Сынъ бѣднаго рыбака, онъ былъ желаннымъ ребенкомъ и его назвали Зенничи-маро—доброе дитя солнца. Его рожденіе и дѣтство житіе окружаетъ чудесами. 12 лѣтъ онъ былъ отданъ въ буддійскій монастырь, гдѣ всѣхъ поражалъ благочестіемъ и мудростію. 16 лѣтъ онъ сталъ монахомъ, получивъ имя Ренчо. Его мучилъ вопросъ о буддійскомъ сектантствѣ: морская вода имѣетъ лишь одинъ вкусъ, почему же въ ученіи Будды могутъ быть два пути? Во время такихъ размышленій съ нимъ однажды случился припадокъ, кровь пошла изъ его горла. Теперь на томъ мѣстѣ показываютъ бамбукъ съ красными крапинками на листьяхъ. Въ Нирванѣ—сутрѣ онъ нашелъ изреченіе: вѣрь слову, а не человѣку. Изучая священное слово, онъ узналъ, что послѣднимъ

произведеніемъ Будды считается саддарма пундарика сутра (руководство или сутра лотоса таинственнаго закона). То, что вышло отъ Будды послѣднимъ, должно быть самымъ совершеннымъ. Должно быть, содержаніе сутры представилось ему соотвѣтствующимъ его предположенію и онъ рѣшилъ указывать всѣмъ на эту сутру, какъ на полноту истины. Онъ былъ въ разныхъ монастыряхъ, подвергалъ себя великимъ подвигамъ, видѣлъ знаменія, получалъ откровенія и, назвавъ себя Ничиренъ (лотосъ солнца), выступилъ съ проповѣдію. Его житіе представляетъ, что онъ испыталъ много страданій, преслѣдованій, чудесно былъ избавленъ отъ смерти, былъ въ изгнаніи, но умеръ въ славѣ. На алтарѣ храмовъ Ничирена обыкновенно стоитъ Самъ-бо: буддійская троичность: Будда, дарма, санга, т. е. Будда, законъ, община (церковь). Община изображается тоже въ видѣ Будды, дарма—въ видѣ таблицы, помѣщающейся между двумя буддами, на ней написано: Намуміо-хо ренъ-ге-кіо—поклоненіе лотосу добраго закона. Это—главная молитвенная формула въ сектѣ Хакке-сіу. Читая ее, послѣдователи ударяютъ по числу слоговъ въ тактъ въ барабанъ. Въ этой сектѣ почитаются многіе индійскіе боги—Брама, Индра, Гаруда (грифъ, жаръ-птица, получеловѣкъ, полуптица, солнечное божество, на немъ изображается Вишну). Почитаются буддизированные ками (міо-кенъ—божество полярной звѣзды, Марисси-текъ-богъ войны, богиня Кизимоцинъ и ея тысяча дочерей). Всякая тварь, по ученію этой секты, можетъ дойти до состоянія Будды. Рай представляется ею очень чувственно. Силенъ въ ней элементъ мистицизма. Такъ, у этихъ сектантовъ существуетъ церемонія Каи-генъ—открытія глазъ. Задача обряда состоитъ въ томъ, чтобы ввести душу божества въ его изображеніе. Наибольшее процвѣтаніе этой секты падаетъ на 16-е столѣтіе. Теперь этихъ сектантовъ насчитываютъ до 2 милліоновъ и у нихъ до 5 тысячъ храмовъ.

Секта Джо-до. Китайскимъ основателемъ ея былъ Зенъ-до. Въ Японіи ее распространилъ Гоненъ. Эта секта владѣетъ роскошнымъ монастыремъ въ Кіото и замѣчательными мавзолеями въ Токіо и Никко. Вѣрованія этой секты вращаются главнымъ образомъ около подземнаго міра. Главное божество,

къ которому обращены взоры ея послѣдователей, это—Амида-дарма-датсу или Амида второго рая (Сукхавати). Сукхавати ниже нирваны, но за всѣмъ тѣмъ очень завидное мѣсто обитанія. Содѣятелями Амиды являются Куаннонъ и Сейзи—божество по своимъ свойствамъ представляющее удвоеніе Куаннонъ (Сейзи олицетворяетъ жалость и молитву). Спеціальный образъ пантеона Джо-до. это—Йццо никогда не спящій, охраняющій души маленькихъ дѣтей. Онъ исполненъ милосердія; его голосъ нѣженъ, какъ голосъ голубей на горѣ Хаза; его любовь безконечна, какъ воды моря. Есть Зай-Нокавара—ложе рѣки, несущей души въ Сукхавати. Переноситъ и она дѣтей. Во время пути отъ демоновъ ихъ охранялъ привѣтливый старецъ, сердце котораго всегда юно. Духи Они препятствуютъ дѣтямъ достигать рая и приходится дѣтямъ по нѣскольку лѣтъ жить въ ложѣ Зай-Но-кавара. Плачутъ здѣсь дѣти о матери, давшей имъ жизнь, объ отцѣ ласкавшемъ ихъ, о братьяхъ и сестрахъ, игравшихъ съ ними. Они кричатъ хихи коиши и хаха коиши и изъ маленькихъ камешковъ складываютъ башенки для молитвы за ласковую мать, отца, братьевъ и сестеръ. Они пугаютъ дѣтей. Но Йццо успокоиваетъ и убаюкиваетъ ихъ. Дѣти могутъ страдать за грѣхи, допущенные въ предшествовавшія существованія. Йццо можетъ имъ дать участь лучшую той, которую они заслуживаютъ, какъ равно можетъ облегчать участь и другихъ умершихъ, если они обращаются къ нему. Важное значеніе въ дѣлѣ спасенія играетъ мистическая формула: наму Амида-Бутсу—почитаніе (почетъ) Амидѣ Буддѣ. Предъ тѣми, кто произноситъ эти слова съ вѣрою и любовію, открывается дверь Сукхавати. Адъ въ сектѣ Джо-до считается вѣчнымъ. Сильно развито ханжество; повторяя мистическую формулу, стоятъ вѣрующіе съ четками въ рукахъ и съ небольшими деревянными барабанами, въ которые стучатъ въ аккомпаниментъ своей однообразной молитвѣ.

Изъ секты Джо-до вышла секта Шиншу основанная жрецомъ Шинраномъ. Здѣсь тотъ же Амида, Куаннонъ и Сейзи и та же мистическая формула и та же надежда на безграничное милосердіе будды. Но выйдя изъ секты, гдѣ все сводилось къ вѣрѣ, Шиншу въ принципѣ свела все къ морали. Духовные

шиншу не обязаны быть безбрачными, они женятся и обыкновенно духовныя должности наслѣдственны. Они употребляютъ мясо. Посты, паломничество, аскетическіе подвиги не одобряются этою сектою. Міряне должны дѣлать добро, почитать Амиду и молиться ему, повиноваться законамъ своей страны. Женщина, не возрождаясь въ тѣлѣ мужчины, можетъ, по Шиншу, непосредственно достигнуть рая. Адъ, по представленію Шиншу, не вѣченъ. Теперь Шиншу насчитываетъ въ Японіи до 19 тысячъ храмовъ. Земельной собственности у сектантскихъ духовныхъ нѣтъ, доходъ ихъ составляютъ приношенія вѣрныхъ.

Секта Шиншу дѣлаетъ значительный шагъ отъ мистицизма вѣры къ раціонализму дѣлъ. Имѣется теперь въ Японіи раціоналистическій буддизмъ и въ чистомъ видѣ совершенно аналогичный раціоналистическому христіанству, создавшемуся въ Европѣ и Америкѣ. Какъ у нѣкоторыхъ принадлежавшихъ къ старокультурнымъ народамъ развилось воззрѣніе, что Христосъ—высокогеніальный и высоконравственный человѣкъ, правиламъ морали котораго въ общемъ (но не въ деталахъ) должно слѣдовать и теперь, такъ совершенно аналогичное воззрѣніе возникло и въ новѣйшемъ японскомъ буддизмѣ. Будда—высокогеніальный и высоконравственный человѣкъ, правиламъ морали котораго въ общемъ (но не въ деталяхъ) должно слѣдовать и теперь. Изъ секты Шиншу возникла ассоціація юныхъ буддистовъ, воспитавшихся на новѣйшей наукѣ и приложившихъ къ своей наукѣ тотъ раціоналистическій методъ, который стремится тщательно выяснить и возстановить всѣ мелочи и детали религіи и забываетъ лишь о ея существѣ.

На парижскомъ конгрессѣ 1900 года два японскихъ ученыхъ Чикадцуми и Фужишима дѣлали доклады о японскомъ буддизмѣ. Краткое обозрѣніе его историческихъ судебъ далъ Чикадцуми. Буддійскимъ Константиномъ Японіи (сравненіе Чикадцуми) былъ князь Шотану. Буддизмъ въ Японіи пережилъ 5 періодовъ. Дѣтства (552—793). Періодъ подражательности, періодъ большаго значенія внѣшняго, чѣмъ внутренняго. Жизнь пяти чувствъ, а не души. Юности (798—1178)—періодъ кипучей энергіи и широкой любознательности. Съ большими опасностями совершались путешествія для пріобрѣ-

тенія буддійскихъ документовъ. Мужества (1174—1331). Періодъ погруженія духа въ себѣ предъ выступленіемъ въ дѣло. Такъ пребывали въ уединеніи предъ началомъ проповѣди Будда, Христосъ, Магометъ. Зрѣлости (1332—1602). Эпоха разработки ученій, давшая много знаменитыхъ вождей сектъ. Старости (1602—1867). Съ внѣшней стороны буддизмъ сталъ господствующей религіею Японіи, съ внѣшней стороны онъ сталъ прекрасно организованнымъ, но съ нимъ случилось то же, что съ христіанствомъ въ средніе вѣка: въ немъ исчезла живая вѣра и онъ сталъ разрѣшаться въ церемоніи. Политическая эпоха, начавшаяся съ 1868 года, дала толчокъ возрожденію буддизма. „Не изучайте нашъ буддизмъ, закончилъ Чикаддуми, какъ религію древнюю и не полагайте въ одной этой цѣли удовлетвореніе вашей любознательности, но изучайте ее, какъ религію живую, даже какъ религію нынѣшняго дня. Итакъ мы находимся во второмъ дѣтствѣ этой всемірной религіи XX вѣка, полюбите ее, какъ любятъ маленькаго ребенка и за это мы будемъ вамъ весьма признательны, во имя блага человѣчества и открытія истины". Въ своемъ дѣленіи исторіи буддизма по возрастамъ Чикаддуми подражалъ Гердеру и въ своемъ изложеніи постоянно обращался къ аналогіямъ изъ религіозной жизни Европы. Буддизмъ распространился въ Японіи не безъ борьбы. На него воздвигали гоненія шинтоисты. Утвердившись, буддизмъ самъ сталъ оказывать давленіе на шинтоизмъ. Въ процессѣ борьбы религіи дѣлали одна у другой заимствованія, но буддизмъ явно дѣлалъ ихъ несравненно больше. Японскіе ками принимались имъ довольно благосклонно. И духи и боги шинтоизма входили въ пантеонъ буддистовъ. Такъ въ сектѣ Тендай, мы видѣли, богиня Бенъ-тенъ пріобрѣла даже широкое почитаніе и возвышалась почти до значенія Куаннонъ. Но въ шинтоизмъ буддійскимъ богамъ проникать было нелегко. Причиною этого является уже то, что у шинтоистовъ не было идоловъ. Затѣмъ вся система сказаній и вѣрованій буддизма не подходила къ шинто. Но постепенно и на нее буддизмъ сталъ налагать свою печать. Любопытнѣйшимъ и наиболѣе важнымъ плодомъ столкновенія буддизма и шинто явилась ріобу—своего рода уніатская ре-

лигія въ Японіи. Ріобу—буддизированное шинто, боги остались старые, но пріобрѣли буддійскія черты и стали изображаться и представляться съ человѣческими тѣлами и лицами и вообще въ видѣ идоловъ. Аматеразу изображалась въ видѣ воина съ саблей, Инари, богъ жатвъ съ серпомъ и рисомъ въ рукахъ, часто онъ изображается стоящимъ на лисицѣ. На лисицѣ изображается Тенгу, божество горъ, съ саблей и шнуркомъ. Имѣетъ Ріобу идолы Бенъ-тенъ, богини красоты и краснорѣчія, ей дается символъ торіи—чисто шинтоистическій. Когда при послѣдней революціи восторжествовало шинто, ріобу потерпѣла больше, чѣмъ буддизмъ. Буддисты могли оставаться буддистами, но буддійскимъ священникамъ запрещалось выполнять шинтоистическіе обряды. Подверглось преслѣдованію смѣшеніе, амальгама вѣръ.

Въ настоящее время въ Японіи приблизительно считаютъ 28 милліоновъ буддистовъ и 17 милліоновъ шинтоистовъ (ріобу должно входить въ составъ шинтоистовъ). Остальная незначительная часть населенія (милліона два) исповѣдуетъ конфуціанство, таоизъ, христіанство.

Изъ трехъ государствъ восточной Азіи близкихъ между собою по многимъ связямъ и теперь приковывающихъ къ себѣ вниманіе культурнаго міра: Японіи, Кореи и Китая, Японія является самымъ младшимъ, Китай—самымъ старшимъ, Корея—въ историческомъ отношеніи занимаетъ между ними среднее мѣсто. Она нерѣдко являлась въ исторіи связующимъ звеномъ между Японіей и Китаемъ, черезъ нее проносились изъ Китая въ Японію культурныя и религіозныя теченія: конфуціанство, таоизмъ, буддизмъ культивировались въ Кореѣ и потомъ въ Японіи. Корейское населеніе не такъ, можетъ быть, окажется инертнымъ какъ китайское, и не такъ подвижно какъ японское. Его воспріимчивость сказывается уже въ томъ, что оно способно поддаваться вліяніямъ—раньше китайскому, теперь японскому. Представляя, однако, значительныя психическія особенности сравнительно съ японцами и китайцами, корейцы имѣютъ съ ними довольно много и пунктовъ сближенія, не мало такихъ открывается въ религіозной сферѣ.

Какъ всѣ народы, живущіе обособленною жизнію, корейцы

помѣщаютъ себя въ центрѣ міра и отъ себя ведутъ его начало. Гора Пакъ-Тань-сань, по ихъ представленію, была колыбелью человѣчества и даже колыбелью всей земной и растительной жизни. Причина и источникъ жизни находится на небѣ. Когда была образована земля, на гору Пакъ-Тань-Сань были принесены на облакахъ растенія и животныя. Здѣсь явились и первые люди—Ко, Пу и Янгъ. Съ горы они спустились въ долину, море принесло имъ три ящика. Открывъ эти ящики, они нашли въ нихъ прекраснѣйшихъ женщинъ, которыя и стали ихъ женами. Отъ нихъ произошелъ человѣческій родъ. Видя причину жизни въ небѣ, корейцы и причины земныхъ явленій видятъ въ волѣ неба. У нихъ нѣтъ развитаго метафизическаго или теологическаго ученія объ этой волѣ, но въ ихъ вѣрованіяхъ видно смѣшеніе въ наивной формѣ воззрѣній отчасти напоминающихъ китайскія, отчасти японскія. У китайцевъ небо считается владыкой и повелителемъ земли. Нѣкоторые были склонны даже шангти переводить отецъ небесный, но шангти на самомъ дѣлѣ можно переводить и во множественномъ числѣ. И почитаніе корейцевъ относится къ объекту, который очень удобно назвать шангти. Какъ будто они почитаютъ небеснаго духа, какъ будто небесныхъ духовъ. Съ другой стороны, ихъ вѣра въ волю неба, въ какіе-то принципы, которые должны быть осуществлены и нарушеніе которыхъ производитъ нестроеніе въ мірѣ, похожи на безмолвное исповѣданіе японцами подобныхъ принциповъ, которымъ подчинены боги, духи и люди въ ихъ легендахъ.

Національную религію корейцевъ правильнѣе всего, пожалуй, назвать шаманистическимъ полидемонизмомъ. Полидемонизмъ есть вѣра въ существованіе множества духовъ, опредѣляющихъ или по крайней мѣрѣ вліяющихъ и могущихъ вліять на судьбу людей. Корейцы вѣруютъ въ легіоны духовъ, по мѣсту обитанія эти духи раздѣляются на небесныхъ, воздушныхъ и земныхъ, по своимъ качествамъ—на злыхъ и добрыхъ. Вліяніе первыхъ нужно парализовать, вліяніе вторыхъ —привлекать. Духи предполагаются корейцемъ за каждою стихіею, за каждымъ естественнымъ болѣе или менѣе грандіознымъ и характернымъ объектомъ, за каждымъ типомъ

объектовъ. Горы, рѣки, ручьи, море, лѣса, поля предполагаютъ за собою духовъ. А далѣе и дороги оказываются имѣющими духовъ покровителей, каждая деревня, наконецъ, каждый домъ. Представленіе о духахъ охраняющихъ домъ непремѣнно всегда содержитъ въ себѣ мысль о духахъ предковъ. Нѣкоторые выводятъ анимизмъ (вѣру въ духовъ) изъ культа предковъ, но гораздо логичнѣе и согласнѣе съ фактами культъ предковъ разсматривать, какъ частный случай анимизма. Существуетъ міръ духовъ, души умершихъ людей пріобщаются или присоединяются къ этому міру. Но духи—хотя и духи—но въ воображеніи ихъ почитателей всегда пріурочиваются къ опредѣленной территоріи. О духахъ предковъ естественнѣе всего предположить, что они пріурочены къ домамъ потомковъ. Съ этими домами связаны любовь, привязанность и интересы предковъ, счастье отцовъ заключается въ счастьѣ ихъ дѣтей. Однако и отеческая любовь требуетъ выраженія любви и отъ дѣтей. Не встрѣчая такого выраженія, она охладѣваетъ или прогнѣвляется и заставляетъ вспоминать о себѣ уже не благодѣяніями, а карами. Поэтому нужно выражать свою любовь къ предкамъ въ памяти о нихъ (пишутся и сохраняются таблицы предковъ), въ приношеніяхъ имъ, въ обращеніи къ нимъ за помощью и наставленіями. Если можно умилостивлять и прогнѣвлять духовъ предковъ, то также можно умилостивлять и прогнѣвлять и иныхъ духовъ. Отсюда добрая или злая физіономія духа не является неизмѣнною, неизмѣнна его связь съ тою или иною стихіею. Признакъ же доброты или злобы нерѣдко оказывается неустойчивымъ и колеблющимся. Каждая гора имѣетъ своего духа. Его нужно почитать, иначе, вѣдь, пожалуй, измучаешься, взбираясь на гору. Духамъ горъ ставятъ молельни или алтари на вершинахъ и перевалахъ, у подножія этихъ священныхъ сооруженій благочестивый кореецъ, поднимающійся въ гору, обыкновенно кладетъ камень поднятый имъ у подножія горы. Понятно, что изъ такихъ камней съ теченіемъ времени образуется своего рода подобіе горъ. Послушными животными горныхъ духовъ считаются тигры. Доволенъ горный духъ обитателями, ютящимися у его горы, тигры не трогаютъ ихъ. Если тигръ началъ производить опустошенія въ ихъ селеніяхъ,

значитъ, нужно добрыми приношенія умилостивлять горнаго духа.

Въ водѣ обитаютъ души утопленниковъ. О ихъ расположеніи тоже должно заботиться. Вѣрованія корейскія относительно этого суть почти общечеловѣческія и прежде всего китайскія. Умершіе нуждаются въ томъ же, въ чемъ и живые, но для нихъ достаточно и не вещей, а только символовъ. Нужно бросать въ воду подобіе нужныхъ предметовъ—бумажную одежду, бумажныя деньги (въ Кореѣ находится въ обращеніи исключительно мѣдная монета), подобіе пищи, овощи и рисъ. Чтобы усопшіе могли находить въ водѣ приносимые имъ предметы, можно спускать лампочки въ глиняныхъ горшечкахъ. Нужно располагать духовъ дорогъ. Повидимому, и верстовые столбы въ Кореѣ нечужды религіознаго значенія. Столбы, какъ столбы, въ ростъ человѣка, но на верху ихъ обыкновенно безобразно вырѣзана человѣческая голова такъ, что они представляютъ собою нѣчто въ родѣ греческихъ гермъ. Путешественники дѣлаютъ приношенія духамъ дорогъ на придорожныхъ кустахъ и деревьяхъ, они вѣшаютъ на нихъ лоскутки матерій, привѣшиваютъ зерна риса или другихъ растеній завернутыя въ бумажку. Дорожные столбы около деревни ставятся въ нѣсколькихъ экземплярахъ, они называются „чангжи“ и очевидно имѣютъ назначеніе охранять деревню, вдоль столба тянутся китайскія надписи. Рядомъ со столбами ставятся „сольмеги“—длинные шесты, верхъ которыхъ заканчивается грубо сдѣланнымъ изображеніемъ птицы съ длиннымъ клювомъ. Клювъ обращенъ въ сторону отъ деревни, онъ долженъ клевать и отражать все злое, приближающееся къ деревнѣ. Эти птицы отгоняютъ заразныя болѣзни, наприм., оспу. Справедливость, однако, обязываетъ отмѣтить, что путешественникъ, минуя эти столбы и вступивъ въ деревню, немедленно можетъ встрѣтить множество физіономій изрытыхъ оспою. Для огражденія поселенія отъ злыхъ духовъ (они же и носители болѣзней) употребляются веревки изъ рисовой соломы, они перекидываются черезъ дорогу на деревья. Значеніе ихъ то же самое, что и въ Японіи, они, прежде всего, говорятъ всякому злу: входъ воспрещенъ, а потомъ въ извѣстныхъ случаяхъ, что входить ненужно, безполезно.

Такія религіозныя вѣрованія, гдѣ нѣтъ или, по крайней мѣрѣ, не выражается ясно и сознательно мысль о Высочайшемъ Владыкѣ, и человѣкъ не вступаетъ и не стремится вступать съ нимъ въ живое общеніе, гдѣ далѣе нѣтъ и системы боговъ и высшій міръ извѣстный человѣку исчерпывается духами природы и умершихъ, такія вѣрованія носятъ имя полидемонизма. Но полидемонизмъ корейскій долженъ быть названъ шаманистическимъ. Шаманъ—слово тунгузскаго происхожденія, оно синонимично съ нашимъ словомъ „кудесникъ". Шаманизмъ есть вѣра въ возможность и желательность воздѣйствія на духовъ кудесническими средствами, которыми располагаютъ лишь нѣкоторыя лица (шаманы). Обычныя приношенія и моленія духамъ не представляютъ собою шаманистическаго явленія. И употребленіе суевѣрныхъ средствъ есть общечеловѣческое явленіе. Шаманизмъ начинается тамъ, гдѣ является шаманъ. Шаманъ надѣленъ сверхъестественными дарованіями порою уже отъ природы и затѣмъ онъ владѣетъ сверхъестественными силами, пріобрѣтенными посредствомъ изученія, понятно, являющагося disciplina arcana. Шаманъ долженъ знать духовъ, ихъ свойства и качества, долженъ знать методы для привлеченія духовъ добрыхъ, для парализаціи дѣятельности духовъ злыхъ или для того, чтобы направить ее на другихъ. Онъ долженъ умѣть заговаривать отъ зла и наговаривать зло. Вкусы духовъ онъ долженъ знать детально. Съ какими крапинами барана нужно принести духу, какія подробности въ тѣлодвиженіяхъ, въ произнесеніи словъ должны быть соблюдены при этомъ, все это долженъ знать шаманъ. Духи капризны и требовательны. Людямъ постоянно грозитъ опасность сдѣлать непріятное духамъ, отсюда послѣдователи шаманизма трусливы въ религіозномъ отношеніи. Они совсѣмъ бы пропали, еслибы не шаманы. Шаманъ при помощи спеціальныхъ гаданій можетъ предвидѣть будущее, при помощи магическихъ чаръ можетъ измѣнять характеръ будущаго. Шаманъ знаетъ множество примѣтъ и законовъ связи между внѣшними явленіями и послѣдующими событіями въ жизни человѣка. Съ внѣшней стороны шаманъ является человѣкомъ съ ненормальной нервной системой. Обыкновенно имъ свойственна истерія,

выражающаяся между прочимъ въ анестезіи (нанесеніе себѣ ранъ, проглатываніе горящей пакли безъ проявленія чувства боли). Шаманы—эпилептики. При помощи дикой музыки, дикой пляски и иныхъ средствъ шаманъ можетъ придти въ эстатическое состояніе. Тогда, значитъ, имъ овладѣлъ духъ. Въ этомъ состояніи шаманъ бормочетъ непонятныя слова, которыя истолковываются какъ пророчества, въ этомъ состояніи шаманъ можетъ открыть преступника, выгнать духа болѣзни изъ больного или злого духа изъ дома. Шаманъ бросается съ ножемъ на больного, съ страшнымъ скрежетомъ зубовъ, съ рычаньемъ, это—онъ хочетъ испугать духа болѣзни или онъ кидается съ тѣми же пріемами и орудіями въ какой-нибудь уголъ, значитъ, тамъ находится злой духъ и его нужно выгнать. Въ Кореѣ имѣются шаманы и шаманки. Первые называются „пань-су", вторыя—„му-данъ". Шаманы въ Кореѣ слѣпые. Это напоминаетъ японскую секту слѣпыхъ (первоначально ее основалъ тамъ Сенмимара, выплакавшій глаза послѣ смерти любимой жены, затѣмъ ее преобразовалъ Йоротимо). Эта вѣра въ духовное могущество слѣпыхъ какъ бы основывается на предположеніи, что потеря тѣлеснаго зрѣнія даетъ возможность лучше изощрить зрѣніе духовное. Въ теченіе трехъ лѣтъ кандидаты въ пань-су изучаютъ у пань-су науку о духахъ и о средствахъ вліять на нихъ и утилизировать ихъ въ своихъ цѣляхъ. Причина каждаго явленія есть духъ. Устранять эти причины или привлекать ихъ долженъ пань-су. Часто, разумѣется происходитъ, что пань-су не умѣетъ справиться съ духомъ произведшимъ болѣзнь или несчастіе. Это объясняется теоріею ступеней въ могуществѣ пань-су и въ могуществѣ духовъ. Духи и пань-су неравны по силѣ. Есть духи, которые могущественнѣе могущественнѣйшихъ пань-су, такіе духи не подчинятся силѣ заклинаній. Есть плохіе пань-су, которые не умѣютъ справляться и съ слабыми духами. Пань-су, какъ и вообще колдуны, могутъ не только дѣлать добро, но и накликать зло. Если ихъ разсердить, обидѣть, они, понятно, будутъ мстить. Поэтому надо стараться располагать ихъ къ себѣ. Ихъ приглашаютъ на семейные торжества, угощаютъ. Будучи колдунами, они являются и пророками, предсказываютъ судьбу новорожден-

ныхъ, бракосочетавшихся. Они знаютъ, что и когда надо дѣлать. Дни въ Кореѣ, какъ и во всѣхъ подобныхъ странахъ, дѣлятся на легкіе и тяжелые, счастливые и несчастные. Въ Японіи давно уже во всеобщее свѣдѣніе составлены таблицы тяжелыхъ дней (въ I и VII мѣсяцахъ—3, 11, 19, 27; во II и VIII—2, 10, 18, 26; въ III и IX—1, 9, 17, 25; въ IV и X—4, 12, 20, 28; въ V и XI—5, 13, 21, 29; въ VI и XII—6, 14, 20, 30). Въ Китаѣ публикуются такія таблицы. Въ Кореѣ шаманъ опредѣляетъ несчастные дни въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Дѣло, однако же, не можетъ считаться безусловно погибшимъ, если будетъ произведено въ несчастный день. Надлежащія заклинанія могутъ парализовать значеніе несчастнаго дня. Такъ свадьба заключенная въ несчастный день можетъ оказаться счастливою. На пань-су въ Кореѣ лежитъ, между прочимъ, та обязанность, которую съ успѣхомъ выполняютъ таоистскіе жрецы въ Китаѣ—опредѣленіе наилучшихъ мѣстъ для могилъ. Въ Китаѣ Фынь-шуй (правила о мѣстѣ погребенія) имѣетъ великую важность и соблюдается по возможности строго. Въ Кореѣ едвали возможна подобная щепетильность, но правила аналогичныя фынь-шую существуютъ.

Шаманки му-данъ—обыкновенно галлюцинирующія истерички. Онѣ по патологическимъ свойствамъ своего духа находятся въ несомнѣнномъ родствѣ съ нашими кликушами. Только кликуши стремятся освободиться отъ власти овладѣвшаго ими духа, а му-данъ, напротивъ, находятъ возможнымъ утилизировать духа, съ которымъ у ней установились сношенія. Разъ въ женщинѣ замѣчены свойства, дающія ей возможность стать му—данъ, она выдѣляется изъ семьи, изъ общества. Повидимому, это показываетъ, что онѣ трактуются, какъ прокаженныя, нечистыя. Но отношеніе къ нимъ въ сущности двойственно: ихъ изгоняютъ и окружаютъ почетомъ, съ ними не хотятъ жить, но жить хотятъ при помощи ихъ. Онѣ являются посредницами между цѣлыми селеніями и духами, отъ которыхъ зависитъ благополучіе этихъ селеній. Онѣ руководятъ празднествами въ честь этихъ духовъ, молитвами, жертвами, онѣ совершаютъ заклинанія. Религіозныя празднества въ шаманизмѣ обыкновенно связываются съ танцами, во время кото-

рыхъ на шаманку можетъ накатить духъ, она тогда является вдохновенною, открываетъ тайны и возвѣщаетъ будущее. По отношенію къ духамъ враждебнымъ, для борьбы съ которыми приглашаютъ шаманокъ, онѣ держатся системы запугиванія: ножами, криками, скачками онѣ, какъ и шаманы, пугаютъ духа. Добрыми приношеніями онѣ привлекаютъ добраго духа покровителя, когда заподозрѣно или выяснилось, что онъ бросилъ на произволъ судьбы охраняемый имъ домъ. Гадаютъ шаманки по звону колокольчиковъ привязанныхъ къ палкѣ и по рисовымъ зернамъ. Въ такомъ случаѣ зерна у нихъ замѣняютъ наши карты. У насъ судьба опредѣляется гадальщицами по расположенію картъ, у нихъ по расположенію брошенныхъ на столъ рисовыхъ зеренъ. Въ звонѣ колокольчиковъ гадалка ищетъ голоса духа, съ которымъ нужно считаться въ данномъ случаѣ. Муданъ приглашаются родителями для совершенія своеобразнаго обряда продажи дѣтей демону, разумѣя подъ демономъ не злого, а просто болѣе или менѣе сильнаго духа. Обычай этотъ не всеобщъ, но и нерѣдокъ. По своей сущности онъ представляетъ то же самое, что и христіанское назначеніе ребенку святаго патрона, при чемъ какъ у христіанъ имя патрона при этомъ становится именемъ ребенка, такъ и у корейцевъ имя духа присоединяется къ имени дитяти. Въ этомъ корейскомъ обрядѣ мы видимъ выраженіе общечеловѣческаго убѣжденія въ необходимости для человѣка высшихъ покровителей. Христіанство, будучи истиной, видитъ и признаетъ въ святыхъ покровителяхъ людей ихъ руководителей въ дѣлѣ вѣчнаго спасенія, корейскій шаманизмъ, не представляющій себѣ вѣчности, смутно рисующій посмертную жизнь по образу земной, чувствуетъ нужду въ покровителяхъ прежде всего для земныхъ цѣлей и хочетъ отъ духа патрона получить земное благополучіе. Отецъ ребенка вмѣстѣ съ шаманкой отыскиваютъ недалеко отъ дома перваго каменную глыбу и на ней совершаютъ обрядъ посвященія ребенка духу. Глыба для семьи становится священнымъ мѣстомъ, символомъ духа и въ опредѣленные дни около нея совершаются моленія жертвы. Кромѣ этихъ обязательныхъ жертвъ и моленій „проданный“ ребенокъ не имѣетъ обязанностей къ духу, наоборотъ,

духъ обязанъ помогать ему въ его нуждахъ. Му-данъ совершаютъ обряды очищенія осквернённыхъ мѣстъ, изгоняютъ несчастіе, привлекаютъ благополучіе, могутъ даже нѣкоторымъ образомъ вызывать души умершихъ, силою своихъ заклинаній онѣ заставляютъ умершія души возвращаться въ домъ, въ которомъ тѣ жили.

Шаманизмъ вообще однообразенъ, въ немъ мало метафизики, много мистицизма, магизма, съ нимъ обыкновенно связываются легенды о страшныхъ духахъ и колдунахъ и о борьбѣ съ ними духовъ благодѣтельныхъ, колдуновъ добрыхъ и наконецъ героевъ. Но эти сказанія не бываютъ объединены и систематизированы. Понятно, что шаманизмомъ могутъ довольствоваться лишь крайне неразвитые и недѣятельные умы. Человѣкъ чувствуетъ свою связь съ высшимъ міромъ, это чувство можетъ быть искусственно ослабляется и атрофируется у интеллигентныхъ людей, какъ ослабляется у нихъ острота и нѣкоторыхъ органовъ чувствъ. Но чувствуя свою связь съ міромъ высшимъ и влача жалкое и полное тревогъ и заботъ существованіе, бѣдный дикарь не имѣетъ времени достаточно поразмыслить о своемъ религіозномъ чувствѣ и находитъ ему истолкованіе въ шаманскихъ сказкахъ и магическихъ дѣйствіяхъ, а неправильно понятыя и поспѣшно обобщенныя его личныя наблюденія еще болѣе умножаютъ циклъ нелѣпыхъ сказаній и обрядовъ. Но рабатающая и анализирующая мысль не можетъ успокоиться на шаманизмѣ, она въ началѣ и даже долго не отрицаетъ его, но она ищетъ его восполнить. Корейцы не создали сами самостоятельной религіи возвышающейся надъ шаманизмомъ, но они приняли все то, что имѣлъ въ этой сферѣ Китай, принявъ національную религію китайцевъ—Конфуціанство (Религія Ю) и принятый Китаемъ изъ Индіи буддизмъ. По мысли Китайцевъ Корея, вѣроятно, должна быть ихъ восточнымъ форпостомъ. Китайцы назвали Корею Чаю-Сіанъ—страна утренняго затишья, утренняго спокойствія, и китайскія сказанія представляютъ, что блага религіи и культуры корейцы заимствовали изъ Китая. Императоръ Яо, великій просвѣтитель Китая, представляется дѣйствовавшимъ и въ Кореѣ. Государственная религія китайцевъ конфуціанство

распространена по всей Кореѣ, обряды ея отправляются вездѣ, даже и корейскими буддистами. Конфуціанство здѣсь, понятно держится не въ чистомъ видѣ. Конфуціанство въ существѣ есть теорія поведенія по отношенію къ государству, обществу, семьѣ, наконецъ, самому себѣ. Конфуціанство, какъ мораль, отступило сравнительно въ Кореѣ на задній планъ, за то впередъ выдвинулось конфуціанство какъ религія. Почитаніе предковъ у Конфуція въ сущности есть дѣло приличія и благодарности, но, какъ въ Китаѣ, такъ и въ Кореѣ, оно стало дѣломъ, могущимъ приносить выгоды, и является во всякомъ случаѣ мистическимъ актомъ. Своеобразная конфуціанская психологія признаетъ существованіе въ человѣкѣ трехъ душъ: одна по смерти идетъ въ загробный міръ предъ трибуналъ 10 судей, другая живетъ въ могилѣ и находится въ вѣдѣніи горнаго духа, третья живетъ въ деревянной табличкѣ, на которой написано ея имя и которую устрояетъ и хранитъ благочестіе и любовь его сына. Съ этою послѣднею душою потомки и состоятъ въ дѣйствительно живыхъ отношеніяхъ. Распространенъ въ Кореѣ и буддизмъ. Это—буддизмъ той же формы, что въ Японіи и Китаѣ, буддизмъ махаяны—большой повозки. Монастыри, идолы, бонзы, праздники, паломничества, все это совершенно подобно тому, что имѣетъ мѣсто въ Японіи. Но въ Японіи имѣются интеллигентные представители буддизма, которые стремятся его осмыслить и не отказываются отъ преобразованій въ религіозной области, въ Кореѣ нѣтъ этого. Здѣсь буддизмъ не понимается, а усвояется въ завѣщанныхъ традиціонныхъ формахъ. Бонзы знаютъ буддійскій ритуалъ, но не знаютъ смысла буддизма, они совершенно подобны ламамъ нашихъ калмыковъ и бурятъ, наставляющимъ ихъ въ буддизмѣ тибетской формы и совсѣмъ или по крайней мѣрѣ плохо понимающимъ его.

Корейцевъ насчитываютъ въ настоящее время около $10^1/_2$ милліоновъ, японцевъ около 47 милліоновъ, общая численность тѣхъ и другихъ уже подходитъ къ 60 милліонамъ, японцы уже усвоили многое изъ европейской и американской цивилизаціи, кое-что начинаютъ усвоять и корейцы. И однако до сихъ поръ эти народы не имѣютъ и не содержатъ ученія о

любящемъ Богѣ Отцѣ. Христіанство проникало въ ту и другую страну. Христіанская мартирологія насчитываетъ не мало жертвъ языческаго фанатизма погибшихъ въ странахъ утренняго спокойствія и восходящаго солнца. Въ періодъ 1672—1676, т. е. въ 4 года на островѣ Ниппонѣ было замучено около 140 тысячъ христіанъ. Гекатомбы въ такихъ ужасныхъ размѣрахъ не повторялись, но въ размѣрахъ сравнительно меньшихъ преслѣдованія, пытки и казни христіанъ повторялись неоднократно. Въ настоящее время число христіанъ въ Японіи во всякомъ случаѣ не доходитъ до милліона, православныхъ насчитывается 29 тысячъ; въ Кореѣ число всѣхъ христіанъ равняется приблизительно 120 тысячамъ, при чемъ почти всѣ они католики, число протестантовъ не доходитъ до тысячи, а число православныхъ—даже до двухъ сотъ. Таковы скромныя цифры обозначающія число лицъ, слышавшихъ въ Японіи и Кореѣ о Богѣ Отцѣ и Христѣ, Его Сынѣ. А если принять въ расчетъ, что число номинальныхъ христіанъ всегда было и будетъ больше числа христіанъ дѣйствительныхъ, то стадо Христово на крайнемъ востокѣ нужно представлять очень немногочисленнымъ. Что можно предполагать о послѣдующихъ религіозныхъ судьбахъ этихъ народовъ востока?

Насколько можно судить по фактамъ прошедшаго и настоящаго, корейцы—народъ способный къ подчиненію, японцы—народъ способный къ подражанію. Доселѣ у корейцевъ, повидимому, нерѣдко кто бралъ палку, тотъ и становился капраломъ. Японцы, познакомившись съ капралами культуры, не обнаружили охоты подчиниться имъ, а сами захотѣли стать такими же капралами. Но начавъ усвоять чужую культуру, они доселѣ не проявили самобытности и приняли пока культуру лишь внѣшнимъ образомъ, проникновенія внутреннимъ духомъ культуры у нихъ еще не замѣтно, у нихъ даже не отмѣнены пытки. Отсюда ихъ подражаніе перешло въ сущности въ нѣкоторое тонкое и далеко невсегда полезное для нихъ подчиненіе чужимъ принципамъ. Съ другой стороны и о корейцахъ не должно думать, что они способны лишь слушать чужія приказанія. Съ шестидесятыхъ годовъ у корейцевъ возникла секта тонгхаковъ, основателемъ которой былъ

Чой-Чейху. Секта эта религіозно-политическая. Какъ политическая, она протестуетъ противъ иноземныхъ вліяній и вмѣшательствъ, она стоитъ за самостоятельность и самобытность корейскаго народа. Какъ религіозная, она далеко несамобытна и можетъ быть названа синкретическою и аналогична, напримѣръ, индійской Брама—сомай. Тонгхаки признаютъ единаго Бога неба, въ подробностяхъ ихъ ученія много и католическихъ и буддійскихъ элементовъ (но они не допускаютъ священныхъ изображеній и не вѣрятъ въ переселеніе душъ). Но пока еще трудно судить о духовной мощи этихъ народовъ. Что они сдѣлаютъ въ сферѣ умственной, неизвѣстно, но съ точки зрѣнія нравственной ихъ должно признать способными усвоить ученіе Христа. О корейцахъ нерѣдко даются отзывы, какъ о людяхъ добродушныхъ. Въ японскихъ легендахъ и сказкахъ часто просвѣчиваетъ моральный элементъ. Эти сказки дышатъ любовію и жалостію къ дѣтямъ, состраданіемъ къ животнымъ, въ нихъ сурово осуждаются корысть, нечестность, заносчивость. Нѣкоторыя изъ нихъ являются какъ бы нравственными притчами. Несомнѣнно, японцы—великіе патріоты, но кто умѣетъ любить отечество, тотъ можетъ полюбить и всѣхъ людей, тотъ при добромъ руководствѣ всегда можетъ и умомъ и сердцемъ познать Бога и Его Христа. Причины, отталкивавшія доселѣ народы востока отъ христіанства, многообразны и сложны и значительная доля вины за ихъ противленіе христіанству лежитъ, конечно, въ тѣхъ, кого они знали носящими имя христіанъ. Для того, чтобы эти народы правильно оцѣнили святое ученіе Христа, нужно, чтобы они выяснили себѣ различіе между ученіемъ и его номинальными послѣдователями и чтобы носящіе имя христіанъ были ближе къ христіанскому идеалу. Въ послѣднемъ все дѣло: кто желаетъ обращать ко Христу, тотъ долженъ носить Его не на устахъ, а въ сердцѣ.

Въ настоящее время японцы—народъ крайняго востока—двинулись на западъ: они ищутъ богатствъ, земель, рынковъ, ищутъ и власти и подчиненія себѣ народовъ, ихъ взорамъ, можетъ быть, предносится и владычество надъ Кореей и гегемонія надъ Китаемъ. Въ этомъ своемъ движеніи они забыли

мотивы своихъ легендъ и сказокъ, порицающихъ заносчивость, корыстолюбіе и лукавство. Можетъ быть, они вспомнятъ объ этомъ послѣ. Но истиннымъ благомъ для нихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ для всего міра было бы, если бы они нашли и овладѣли правдою Христа и не приняли бы только имя христіанъ, но стали дѣйствительно христіанами. И истиннымъ благомъ для міра было бы, если бы другіе народы, не исключая и тѣхъ, которые именуются христіанами болѣе полутора тысячи лѣтъ, глубже и сознательнѣе восприняли ученіе Евангелія, и Евангельская истина стала бы не предметомъ только восхваленія, но дѣломъ жизненнаго осуществленія. Тогда на землѣ стало бы одно стадо и одинъ Пастырь. Тогда исполнилось бы дивное пророчество о народахъ, что они „перекуютъ мечи свои на орала, и копья свои—на серпы: не подниметъ народъ на народъ меча, и не будутъ болѣе учиться воевать“ (Исаіи 2, 4).

Будетъ ли это, Господи?

